

Семь книг с двадцать второго по двадцать восьмой том входят в серию «Английский любовный роман»

<https://www.littres.ru/luttoli/> - страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> - сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> - Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> - Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: 5486 7320 0090 8327

Яндекс кошелёк: 41001851135760

Сэр Шиллинг

Немного от автора

Чем больше я узнаю Лондон 19 века, тем сильнее становится желание написать масштабную эпопею, способную в полной мере отразить всё волшебство той далёкой эпохи. Эта книга – лишь ещё один отрезок пути, ведущий к главной цели.

Вступление

Лондон. Осень 1812 года.

Десятого октября тысяча восемьсот двенадцатого года, в Лондоне, состоялось знаменательное событие: Королевский театр Друри-Лейн, восстановленный после страшного пожара, открывал новую эпоху в своей блистательной истории постановкой пьесы Шекспира «Гамлет» с Робертом Эллистоном в главной роли.

На Кэтрин-стрит, где и расположился главный вход в театр, олицетворяющий собой портик с тремя парными колоннами и мраморной лестницей, с раннего утра царило необычное оживление. По обеим сторонам улицы бегали мальчишки и, размахивая газетами, кричали: – Сегодня открытие в Друри-Лейн! Роберт Эллистон в роли Гамлета! Приходите! Не пожалеете!

Здесь же бродили сразу несколько призраков Датского короля. Они стопами и мольбами провожали проезжающие кареты.

– Гамлет! Сын мой! – театрально восклицали они, протягивая руки вперёд и хватая за лицо каждого, кто движимый любопытством высовывался из окна кареты. Обычно после таких действий всегда раздавался испуганный крик или непристойная брань.

По значимости предстоящая премьера в Друри-Лейн уступала лишь одному событию – краже коллекции драгоценных изделий на сумму более двадцати тысяч фунтов у одного из богатейших людей Лондона. Сам по себе случай выглядел, бесспорно, заметным, но широкую известность он получил благодаря человеку, который уже второй год тревожил Лондон хорошо продуманными, а подчас и наглыми ограблениями. В народе его прозвали «сэр Шиллинг», за привычку оставлять на месте преступления серебряный шиллинг с двумя круглыми отверстиями. Многие предполагали, что отверстия в монете не что иное, как намёк на глаза. Таким образом, преступник сообщал, что всё видит, и придёт за вашим богатством. Полиция Лондона с ног сбилась, пытаясь отыскать дерзкого грабителя. Но безуспешно. Сэр Шиллинг всегда появлялся внезапно, и сразу после ограбления исчезал. Его находчивость, ум, дерзость, решительность вызывали у многих людей подлинное восхищение. Им восторгались, но и боялись, если для страха имелись причины в виде золота, банкнот банка Англии или прочих ценных бумаг, которые можно было продать с помощью «чёрных скупщиков».

Торговцы газетами молились на сэра Шиллинга, желали ему долгой жизни и с нетерпением ожидали каждого следующего ограбления. Их можно понять. Газеты с нарисованным шиллингом раскупались мгновенно. Спрос увеличивался по мере того, как росло количество преступлений знаменитого вора.

К слову сказать, Кэтрин-стрит, созданная усилиями четвёртого графа Бедфорда двести лет назад, успела стать одним из самых оживлённых мест Лондона. Отчасти её можно было назвать и центром культурной жизни. Именно здесь расположилось самое большое количество продавцов газет и театральных агентов. На стенах домов пестрели афиши с красочными рисунками, названиями очередного шедевра и громкими именами, такими как Ричард Кин или Джозеф Гримальди. Продавцы птиц с клетками в руках, художники, предлагающие свои шедевры, даже врачи, считали необходимым заявить о себе именно здесь.

Отдельно стоит отметить значительное количество ресторанчиков для такой небольшой улицы, которые располагались на первых этажах домов. Постоянным атрибутом этих ресторанчиков являлись нищие и калеки, либо и те, и другие в одном лице. Как правило, они стояли недалеко от

входа, встречая и провожая посетителей тоскливым взглядом, смешанным с надеждой.

Также следует упомянуть о той Лондонской части жителей, которая неизменно посещала Кэтрин-Стрит. Они представляли самые разные слои общества. Здесь нередко можно было встретить щёголя в цветастом пиджаке, который с показной нарочитостью ставил ногу на подставку перед чистильщиком обуви, и одновременно бросал самодовольную улыбку в сторону группы молодых женщин, идущих по тротуару и разглядывающих театральные афиши.

Здесь часто появлялись представители почтенных семейств, но обычно мужского пола и почти всегда без законного сопровождения. Визиты всегда начинались с кареты, запряжённой двойкой или даже четвёркой породистых лошадей, и привлекали всеобщее внимание. Такие люди за один раз могли потратить больше денег, чем целой семье удавалось заработать за целый год. Оттого их всегда ждали, и начинали обхаживать ещё до того, как они покидали карету; даже владельцы ресторанов выходили им навстречу, надеясь на солидную прибавку в выручке.

Ну, и, чтобы завершить общую картину, несколько слов о новом облике театра Друри-Лейн. Мы уже упомянули о великолепном портике с небольшой мраморной лестницей, что появился со стороны Кэтрин-стрит и служил главным входом. Колонны, на которых держался портик, располагались попарно на одинаковом расстоянии друг от друга, образуя три одинаковых прохода к каждой из дверей.

Само здание казалось совсем небольшим снаружи. Обманчивое впечатление, ибо театр Друри-Лейн без труда вмещал три тысячи зрителей. Большой зрительный зал, четыре яруса с ложами. Ещё один, самый верхний ярус – галерка, со стоячими местами, где могли насладиться игрой театралы, не имеющие достаточно средств, чтобы купить более комфортные места. Ресторан, где в перерывах спектакля предлагали зрителям подкрепиться. Комнаты для леди и джентльменов. И это лишь та часть, которая находилась на виду. Другая часть с театральным реквизитом, гардеробными, гримёрными и каморками для актёров, с множеством коридоров и переходов, всякими укромными местечками, всегда оставалась закрытой от любопытных взглядов посторонних. Здесь жил не только талант, но и простые человеческие чувства, такие как тщеславие и зависть.

Можно долго описывать сам театр и театральную жизнь, но мы, как и всегда, ограничимся тем, что уже было сказано. Шекспир бесспорно великолепен, но нас с вами привлекают совсем иные персонажи. Самое время познакомиться с ними поближе.

И первый из них: «Грязный чистильщик»!

Обычно такими словами называли людей, которые занимались в театрах очисткой обуви от уличной грязи. Происходило это следующим образом: зритель входил в фойе, сдавал верхнюю одежду, а потом оказывался в крохотной комнатке, которая всегда находилась сразу после гардероба. Здесь его уже ждал тот самый «грязный чистильщик». Его работа была схожа и в то же время отличалась от работы уличных чистильщиков обуви.

Такой человек сидел на низеньком табурете в некой углублённой нише. Прямо перед ним был сооружён достаточно высокий декроттуар, чтобы можно было, почти не склоняясь, видеть нижнюю часть подошвы, когда посетитель ставил на него ногу. Слева от него лежали два ящичка, один

поменьше с ножами и лопаточками, другой гораздо крупнее со щётками. Справа, в специально вырезанное отверстие, был помещён широкий мешочек.

Сам процесс очистки обуви от грязи всегда выглядел одинаково: посетитель, или точнее зритель, входил и сразу ставил ногу на декроттуар. Обувь, и в первую очередь подошва, очищалась от грязи с помощью лопаточек и ножей. Потом в ход шли щёточки поменьше. Далее, за дело принималась самая большая щётка. Грязь под декроттуаром сметалась в мешок. А сам мешок, после того как наполнялся, выносили и опорожняли в мусорные ящики. Всё происходило очень быстро, поскольку требовалось всего лишь убрать с обуви грязь. Это было сделать куда проще, нежели потом отмывать и очищать полы и лестницы. Именно забота о чистоте, а ещё более желание сэкономить средства, и привело к созданию такой необычной профессии. Но поскольку название «грязный чистильщик» звучало слишком грубо для английского слуха, его заменили более приятными словами: «Джейн Месси». Именно так называли всех, мужчин и женщин, которые занимались очисткой обуви в театрах. Вероятно, вы уже догадались, зачем мы столь подробно рассказали об этой профессии. В премьеры, которая состоялась десятого октября в театре Друри-Лейн, нас больше всего интересуют...именно человек такой профессии. С него и начинается наша история.

Глава 1

Сэр Шиллинг

– Джейн Месси! Джейн Месси!

Эти два слова звучали часто, иногда нетерпеливо, иногда с пренебрежением, а порой даже с откровенным презрением, и предназначались мужчине, возраст которого не представлялось возможным определить по причине большого количества грязи на лице. Каждый раз в ответ на подобное обращение к себе, он склонял голову, и отвечал: «Благодарю вас, сэр!» или «Благодарю вас, леди!».

Справедливости ради надо сказать, что женщины пользовались услугами чистильщика крайне редко, ибо задирать ногу даже для того, чтобы просто почистить обувь считалось крайне неприличным. Такое, по общему мнению, могла себе позволить лишь легкомысленная особа или девица лёгкого поведения.

Но в день премьеры нашлись женщины, которые воспользовались услугой чистильщика.

Джейн Месси работал так быстро, как только мог, не обращая ни малейшего внимания на шум. Или, вернее, гул, который непрерывно висел в воздухе.

Уже ко второму звонку вестибюль опустел. Не осталось никого, кому бы требовалось очистить обувь. Но он оставался на месте, и поднялся лишь, когда раздался третий звонок, означающий начало спектакля. Но далеко ему уйти не удалось. Мужчина средних лет с длинными бакенбардами и лихо закрученными усами грубо схватил его за плечо и развернул лицом к себе.

– Лонтерн. Бейлиф. Помощник шерифа! – грозно сдвинув брови, представился он.

– Полиция Лондона? Не надо меня сажать в тюрьму. Я сегодня же отдам булочнику два пенса! – испуганно пролепетал Джейн Месси.

Лонтерн рассмеялся и похлопал его по плечу.

– Не буду! Ты мне нравишься. Настолько нравишься, что я собираюсь поручить тебе важное дело. Знаешь, что такое важное дело? Это когда ты что-то делаешь и рассказываешь только мне. Понятно? – уловив кивок, Лонтерн понизил голос. – Получишь целых десять фунтов, если сможешь поймать одного преступника. Ему около сорока лет. Он маленького роста и очень хитрый. Этот человек обязательно сюда придёт. Следи за всеми. Если увидишь кого похожего на него, немедленно дай мне знать, – Лонтерн продиктовал адрес. – Запомнишь? – снова последовал кивок. – Это хорошо, что ты мало разговариваешь. Держи язык за зубами, и не забывай о нашем важном деле. – Отследив очередной кивок, он ушёл, довольный собой и состоявшимся разговором. А Джейн Месси прошёл в коридор, ведущий в закрытую часть театра, и вскоре открыл дверь в маленькую каморку, заваленную всяким скарбом. Свободным оставалось лишь небольшое пространство с полуразвалившимся столом. На нём стоял таз, наполненный водой. Над тазом висело круглое зеркало в поблёкшей бронзовой оправе. Он подошёл к столу и начал неторопливо умываться. Грязь с лица сходила, постепенно отражая в зеркале мягкие черты лица с озорным взглядом молодого человека лет двадцати двух.

– Сорок лет?! Маленький и хитрый?! Откуда он это взял? – весело пробормотал под нос Шилли. Именно так его все называли в театре. Шилли Кетни. И это был тот самый вор, известный под именем «сэр Шиллинг».

Для чего знаменитому вору понадобилась столь неприятная работа в театре? Всё очень просто. Она помогала ему выбирать жертву. Каждый, кто входил к нему и требовал очистить обувь, мог в скором времени лишиться своего имущества. Однако, при всех своих талантах, Шилли, не смог бы в одиночку осуществлять свои дерзкие планы. Главным помощником в преступлениях являлось...большое зеркало. Оно висело в фойе на противоположной стене и позволяло очень чётко видеть всё, что происходило в гардеробной.

Вы наверняка подумали о таких вещах, как кража пальто или шуб вместе с содержимым в карманах. Но нет. Подобные мелочи не привлекали нашего героя. Кроме того, он и не помышлял грабить в самом театре. Всё происходило несколько иначе. Зеркало исполняло роль некоего посредника между тремя сообщниками. В гардеробной работали мать и сестра Шилли: мама – полная женщина пятидесяти лет, с короткими руками, низко посаженной головой и жабыими глазами, отчего, видимо, и получила прозвище «Мама Жантан». Она обладала весьма непростым характером, и могла без раздумий пустить в ход руки, если по её мнению, один из троих детей не относился с достаточным уважением к семье, которую олицетворяла она сама.

Сестра Лотри, привлекательная невысокая девушка с копной чёрных волос двадцати одного года, вторая по старшинству среди детей. Она была на год младше Шилли и являлась самой верной его помощницей. Лотри не сумела стать актрисой, поскольку не обладала талантом перевоплощения, но это неудача несколько не помешала ей создавать поистине настоящие шедевры в части, касающейся перевоплощения других людей. Ещё в детстве, она с лёгкостью превращала куклу девочки – в солдатика с ружьём. И он выглядел почти так же естественно, как и

живой оригинал. Никто в театре даже не подозревал, что те три мастера грима, которые работали в Друри-Лейн, даже в подмётки не годились этой скромной девушке, которая застенчиво улыбаясь, принимала и подавала одежду в гардеробной. Но это не значит, что её таланты оставались не востребованными. Ими с полнотой пользовался Шилли. Именно Лотри помогала ему оставаться неуловимым. Перед каждым ограблением она придавала ему образ, способный так или иначе сделать его неузнаваемым и даже частично обеспечить благополучный исход преступления.

Так вот, вернемся к схеме преступления: Лотри и Мама Жантан через зеркало подавали определённые знаки, привлекая внимание Шилли. Если очередная жертва вызывала интерес и со стороны Шилли, он подавал ответный знак, взъерошивая волосы. После чего вслед за жертвой отправлялся четвёртый сообщник и самый младший член семейства. Это был неприметный на вид и сообразительный не по годам мальчик десяти лет по прозвищу Джонни Мьшонок.

Джонни Мьшонок всегда находился рядом и внимательно следил за всем, что происходило в гардеробной и комнатке, в которой работал Шилли. В его задачу входило следить за будущей жертвой и подслушивать разговоры вплоть до того времени, пока она не покинет театр. Дальше в дело вступал сам Шилли. Награбленное всегда передавалось маме Жантан, но все члены семьи Кетни знали, где она его прячет.

Каждый из четверых или, вернее, пятерых, поскольку существовал ещё отец семейства по имени Ягр, точно знал свою роль. Схема преступлений была создана ещё во времена работы в театре Ковент-Гарден. Они бы и оставались там, если бы их не пригласил директор Друри-Лейн. Семья сочла полезным изменить место «работы». Что было совсем не лишней предосторожностью, учитывая неослабный интерес к ним со стороны полиции.

Как именно действовала эта «пятерка», мы расскажем очень подробно. Сейчас же добавим важную деталь. Это была не просто шайка преступников, а крепкая сплочённая семья.

Глава 2

Важное дело

В двух с половиной милях к северо-востоку от Друри-Лейн пролежала улица Никол, на которой и проживало всё семейство Кетни. Скорее даже это была не улица, а маленький город с мастерскими и мастерскими, который растянулся на несколько миль, и включал в себя целые кварталы бедных жилищ, поразительным образом умудрившихся разместиться среди множества хитросплетённых улочек и переулков. Особенно выделялась северная часть, широко известная как «Окна ткачей». Название вполне понятное, учитывая, что в той части жили и работали ткачи – преимущественно эмигранты из Франции.

Именно в этом городке производились зеркала, стулья, кушетки и даже игрушки. Кузнецы и конюшни тоже были не редкостью в этих местах.

Все эти особенности улицы Никол в полной мере присутствовали в доме семьи Кетни: шесть комнат, огромный двор с конюшней, кузницей и столярной мастерской. Выбор на него пал не случайно. Во-первых, у

дома имелось два выхода. Задняя дверь вела на маленькую улочку. А там начинались такие замысловатые переулки, что даже местные жители порой не могли разобраться, где находится их собственный дом. В особенности, вечером. Кроме того, существовал ещё один выход на крышу. Оттуда вполне можно было перебраться и на другие крыши в случае необходимости, чтобы уйти от полицейской погони или иных охотников до наград. А ведь существовал ещё один выход с воротами из конюшни, на ту же самую улочку. Там всегда держали наготове два двухместных кэба и четыре лошади. Ещё две кареты сплошного чёрного цвета, без единой отличительной детали, стояли во дворе. Кареты использовались для ограблений. Кэбы же могли использоваться как для ограблений, так и для бегства в случае возникновения такой необходимости. Кузница и столярная мастерская служили лишь для видимости. Там работал Ягр, отец семейства. Стоит ещё упомянуть о маленьком домике с лодкой, который они держали в качестве убежища на берегу Темзы.

Ну, а теперь пора вернуться к Шилли. Он в это самое время подошёл к воротам, на которых красовалась вывеска «кузница Ягра Кетни». Ворота окружала плотная деревянная изгородь высотой в полтора человеческих роста. Шилли прошёл ворота и, по привычке оглянувшись по сторонам, открыл калитку и вошёл во двор своего дома.

Дверь кузницы была открыта настежь. Внутри то и дело взлетали искры. Шилли застал отца за работой. Ягр, высокий мужчина могучего телосложения и с ручищами, в которых даже молот, выглядел как обычный молоток, бил по узкой раскалённой пластине.

Шилли заинтересовался.

– Что ты делаешь?

– Скобы для раздвижной лестницы, – Ягр положил молот на стол и вытер пот со лба тыльной стороной ладони.

– Зачем? И старые отлично держат.

– Хочу сделать лестницу полегче. И дерево подобрал. А ты чего так рано? Дело есть?! – догадался Ягр, заметив многозначительную улыбку, внезапно возникшую на губах сына.

– Сегодня приходил Лонтерн. Разговаривал со мной. И даже адрес свой оставил.

– Ублюдок паршивый! – Ягр погрозил своим огромным кулаком кому-то невидимому. – Никак не угомонится.

– Вот и мне кажется, что настала пора преподать ему небольшой урок. Ягр сразу заинтересовался.

– И что мы с ним сделаем?

– Наведаемся в гости. Хочу поговорить... наедине.

– Я бы тоже не отказался перекинуться с ним парой словечек. Подождём Лотри, а ночью поедем.

– Лотри нам не понадобится. Достаточно будет обычных масок. А поедем мы прямо сейчас, пока ещё светло. Ехать не близко, да и надо бы хорошо осмотреться на месте. Как-никак помощник шерифа.

– Что с собой возьмём?

– Верёвку, кляп, раздвижную лестницу и тот маленький ящик с отмычками. Я ещё возьму с собой два пистолета, а ты бери дубинку.

– А зачем? – удивился Ягр. – Если что, уложу так, что он и свистнуть не успеет.

Ровно через час, когда на небе сгущались сумерки, они переоделись, прихватили с собой инструменты, и выехали из ворот в одной из чёрных

карет. Ягр сидел на козлах и управлял лошадьми. Он был одет в точности как кучер. Широкополый плащ с высоким воротником и цилиндр. Шилли находился внутри кареты и перебирал отмычки в ящичке. Обычно он пользовался только двумя, и только в более сложных случаях использовал дополнительные инструменты для вскрытия замков. Справа на сиденье лежала чёрная маска с контурами мужского лица.

Около восьми часов вечера, когда уже совсем стемнело, карета проехала по хорошо освещённой улице и остановилась возле длинного трёхэтажного дома с тремя входными дверями. Шилли слегка откинул край занавеси со стороны улицы, и некоторое время следил за проезжающими каретами. Частота их появления внушала беспокойство. Да и прохожих было немало. Чуть позже он передвинулся к противоположному окну. Такие дома встречались довольно часто. Он хорошо знал, как они устроены. На каждой лестничной площадке по две квартиры, справа и слева. Подвал и чердак. Да ещё каменный дымоход выходящий прямоком на крышу.

Судя по адресу, ему была нужна самая правая, крайняя дверь, и два окна на третьем этаже, в которых мерцал слабый огонёк. Именно на них он и сосредоточил своё внимание. Прошло несколько минут, но они оставались плотно прикрытыми и ничего не происходило. Потом за одним из них мелькнула женская тень. Судя по всему, это была жена Лонтерна. Шилли и не сомневался, что у него есть семья.

Вначале, он хотел дождаться ночи, но потом передумал. Этому делу следовало придать больше шума. Поразмыслив, он решил попросту войти к нему домой, и прямо там с ним поговорить. Он надел на лицо маску, глубоко надвинул на лоб шляпу, закутался в плащ и, выскользнув из кареты, не оглядываясь, направился к нужной двери.

Ягр не сводил с него взгляда вплоть до того самого момента, пока Шилли не исчез за дверью. Потом он начал тщательно оглядываться по сторонам, и в этот момент заметил знакомую фигура с закрученными усами. Это был Лонтерн. Он возвращался домой.

Не обращая внимания на женщину с маленькой девочкой, которая шла по тротуару в его сторону, Ягр слез с козел. В тот миг, когда Лонтерн потянулся к ручке, Ягр схватил его за шиворот, оттянул назад, а потом с силой ударил об дверь. Лонтерн охнул и стал валиться на бок. Удерживая его за шиворот, Ягр слегка поклонился той самой женщине с ребёнком, которая стала свидетельницей его поступка, и в данный момент жалась у стены и смотрела на него испуганными глазами. – Вор! – коротко изрёк Ягр, два раза свистнул и добавил: – Мы с напарником давно за ним следили. Можете быть спокойны, он больше вас не беспокоит.

Ягр приподнял Лонтерна за шиворот, поволок за собой, а потом открыл дверцу и запихнул его в карету. В этот самый миг из двери вышел Шилли. Свист был условный и призывал срочно вернуться. Завидев торчащие ноги, он втиснул их внутрь, сел и закрыл за собой дверцу. Ягр уже успел сесть на козлы. Карета тронулась с места и стала быстро набирать ход.

Как ни странно, женщина поверила словам Ягра. В этом районе давно орудовала шайка разбойников, которые грабили дома. Да они были повсюду в Лондоне. Она могла только радоваться, что на одного стало меньше. На это происшествие никто кроме неё не обратил внимание.

Тем временем, Шилли связал руки Лонтерна за спиной, потом и ноги связал. Но кляпом рот затыкать не стал, чтобы не лишать себя

предстоящего удовольствия.

Спустя четверть часа, карета заехала в тёмный переулок и остановилась. Лонтерн начал шевелиться и подавать признаки жизни. Шилли вышел и осторожно прикрыл за собой дверь. Ягр сошёл с козел и подошёл к нему.

– Разыграем, как того торгаша! – шепнул Шилли на ухо отцу. Тот понятливо кивнул.

– Что будем с ним делать? – придав голосу грубую интонацию, спросил Шилли.

– Сделаем, что прикажете, сэр Шиллинг! – ответил тоненьким голоском отец.

– Повесим. Ты повесишь. Я слишком маленького роста. Нет. Лучше, пристрелим! Хотя нет. Порох нынче дорогой. Пришлось целых три тысячи фунтов отдать за двенадцать бочек. Даже жаль их на Скотланд-Ярд тратить.

– Может, утопим?

– Слишком лёгкая смерть. Лучше сжечь заживо. Так Лонтерн помучается немного перед смертью.

– Пошадите меня, сэр Шиллинг, – раздался слабый стон из кареты. – Не убивайте! Я никогда, никогда вас больше не побеспокою...я даже из полиции уйду...навсегда...только не убивайте...

– Заткни ему рот! – прошептал Шилли.

– Сэр Шиллинг, не надо, поща...– Лонтерн захлебнулся и замолчал. Ягр заткнул ему рот кляпом. Чуть позже над несчастным полицейским раздался тот самый грубый голос.

– Сейчас мы отвезём тебя в самое мрачное место Лондона. Потом подождём, пока придут двадцать наших товарищей...с дровами. После этого мы тебя сожжём заживо. Помолись перед мученической смертью.

Шилли с отцом вернулись домой под самое утро. Мама Жантан дала сыну подзатыльник в присутствии мужа и коротко изрекла, имея в виду полицию:

– Не связывайся с «жуками»!

После того Шилли попал в объятия сестры. Лотри глаз не сомкнула, дожидаясь брата. Она несколько раз крепко обняла и поцеловала брата, а потом с любопытством спросила:

– Что вы с ним сделали? Да, мы догадались, куда вы поедете, когда увидели, как ты разговариваешь с Лонтерном. Так что вы с ним сделали?

– Ничего. Он жив здоров. Разве что немного замёрзнет.

И это была чистая правда. В это самое время Лонтерн стоял в одних нижних подштанниках посредине Кэтрин-Стрит, взывал к милосердию, просил помощи и умолял сжалиться над ним. Шилли с отцом привязали его к уличному светильнику, надели на глаза повязку, чтобы он ничего не мог увидеть, накинули на шею медальон с серебряным шиллингом, а потом вынули изо рта кляп и уехали.

Лонтерн совсем отчаялся, когда с его глаз кто-то снял повязку, и он увидел перед собой удивлённую толпу людей.

Несколькими часами позже эта история уже была известна всему городу. Коллеги встретили Лонтерна дружным хохотом.

– Меня едва заживо не сожгли, а вам весело? – гневно кричал Лонтерн.

– Я жизнью рисковал, только поэтому мне удалось узнать, что сэр Шиллинг маленького роста, у него грубый голос, и он собирается взорвать Скотланд-Ярд.

Смех не стихал ещё долгое время. И не только в полиции. Эта история уже на следующее утро появилась в газетах, и вызвала целый град насмешек в адрес блюстителей порядка.

Глава 3

Загадочное убийство

Спустя два дня, утром, на углу Мэрибон и Харли остановилась роскошная карета, запряжённая четвёркой породистых лошадей. На дверце красовался герб графов Росбери. Из кареты вышел седовласый мужчина шестидесяти пяти лет и, опираясь на трость, направился к зданию с вывеской «Нотариальный дом Вельбмана». До двери оставалось пройти всего лишь несколько шагов, когда к нему подскочил мужчина и воткнул в него нож.

– Умрут все! Слышишь, Роберт! Умрут все! – прошептал он, и сразу же скрылся за углом здания, оставив нож с рукояткой в виде головы слона с золотистым хоботом торчать в груди своей жертвы. Граф Росбери повалился на спину, потом упёрся ладонями в землю пытаясь подняться, но не смог. К нему уже бежал кучер.

– Пошлите за моей дочерью...немедленно, – успел сказать ему граф Росбери, прежде чем потерять сознание.

Несколько часов спустя, молодая женщина сорока лет с усталым лицом, на котором застыла печать страданий, в чёрном траурном платье с высоким, обтянутым вокруг шеи воротником, быстро шла по коридорам особняка Росбери, что находился в Вестминстере близ садов Мэрилебон. Элизабет Мальман, так звали женщину, спешила к своему умирающему отцу, графу Росбери.

Дверь в его опочивальню была отворена настежь. Внутри и снаружи столпились слуги. Увидев кто идёт, они начали по очереди кланяться. Не останавливаясь, Элизабет вошла в комнату отца. Пред ней предстало совершенно белое лицо отца с полузакрытыми глазами и перевязанная грудь с расплывающимся кровавым пятном. Рядом с кроватью стоял врач. Завидев Элизабет, он негромко проронил:

– Его светлость очень плох. Поговорите с ним, пока есть возможность. Он уже несколько раз звал вас.

– Звал меня? – Элизабет склонилась над умирающим отцом. – Зачем? Зачем ты меня звал? Надеешься получить прощение? Ты его не получишь. Слышишь?! Ты никогда не получишь моё прощение. Дочь может простить. Даже супруга может простить. Но мать...никогда не простит...ты умрёшь, проклинаемой собственной дочерью! Слышишь меня?! Жестокое, безжалостное чудовище! Проклинаю тебя! Всем сердцем и душой проклинаю! Слышишь?! Проклинаю! Других слов ты от меня не дождёшься. Я буду стоять здесь, и проклинать тебя, пока ты не отправишься в Ад...- закричала Элизабет, но уже через мгновение залилась слезами и начала целовать ему руки, одновременно издавая горестный шёпот:

– Отец! Отец! Умоляю вас...умоляю, ...после вашей смерти у меня не останется никакой надежды её найти. Где она? Где моя дочь? Кому вы отдали моего ребёнка? Отец! Сжальтесь над несчастной матерью, – Элизабет сползла на пол и, схватившись руками за голову, исторгла из груди крик полный отчаяния: – Где моя дочь, отец?

– Элизабет...- раздался едва слышный голос графа Росбери.

Элизабет мгновенно вскочила на ноги и наклонилась над отцом. Её слуха коснулся едва различимый шёпот:

– Перед лицом смерти...клянусь, ...я не убивал твоего...мужа...Джон Бирн... Ирландия...дочь...не ищи, ... – дальнейшие слова не представлялось возможным различить. Как не напрягала слух Элизабет, но так и не смогла разобрать невнятные фразы, которые становились всё тише и тише, а вскоре граф Росбери и вовсе замолк.

– Отец! Отец! – кричала Элизабет ему в лицо. – Какой Джон Бирн? Где его искать в Ирландии? Это он удочерил моего ребёнка? Отец! Не молчите! Отец! Отец!

– Он больше ничего не ответит. Ваш отец умер, – тихо сообщил врач.

– Где её искать? Где? – Элизабет схватилась за голову и бросилась вон.

Элизабет прибежала в комнату, где она провела свою юность, и как в те далёкие времена упала на кровать и разрыдалась. Отец умер, лишив её последней надежды найти свою дочь.

В дверь раздался осторожный стук.

– Прочь! – закричала Элизабет.

– Я знавал Джона Бирна, ваша светлость! – раздался осторожный голос. Элизабет даже плакать перестала. Она со всех ног бросилась открывать дверь. На пороге стоял садовник Олан.

– Ты знаешь Джона Бирна? – с глубокой надеждой всматриваясь в его лицо, спросила Элизабет.

– Знавал когда-то. Много лет назад Джон работал управляющим у его светлости! Но потом уехал. Зачем? Не знаю. Знаю только, что когда он уезжал, у него на руках был ребёнок. Своими глазами видел. Мы тогда все удивились. Ведь жены-то у Джона не было.

– Ребёнок? У него на руках был ребёнок? А куда он уехал? – закричала Элизабет.

– Знаю только, что в Ирландию. А куда именно, сказать не могу. Джон никому и слова об этом не сказал. Только и говорил, что ему пора ехать домой в Ирландию со своей дочерью...

– С моей дочерью! С моей!

– Я рассказал всё, что знал!

– И я никогда не забуду о твоей доброте.

Садовник ушёл, а Элизабет закрыла дверь и постаралась взять себя в руки. Но сделать это сразу ей не удалось. Всё тело сотрясала непрерывная дрожь. Сердце билось так сильно, что она неосознанно прижала обе руки к груди. Более двадцати лет безнадежных поисков, беспросветного ожидания и пустых надежд завершились. Сегодня она впервые узнала, что стало с дочерью. Отец отнял её и отдал своему управляющему. А тот отвёз её в Ирландию. Там она и будет искать. Даже если уйдут годы, даже если придётся перевернуть всю Ирландию, она найдёт своего ребёнка.

В дверь снова раздался стук.

– Пришли из полиции! Хотят поговорить с вашей светлостью! Ждут вас в гостиной.

– Я сейчас приду!

Элизабет вытерла платком слёзы, поправила платье и, стараясь утихомирить разбушевавшиеся чувства, отправилась на встречу.

– Кларк Могин, – представился констебль, приподнимая край шляпы. – Простите за визит в столь печальное для вас время. Графиня Росбери?!

– Элизабет Мальман!

- Прошу прощения. Я узнал, что ваш отец умер, а вы единственная дочь. Кстати сказать...приношу вам свои соболезнования.

- Благодарю вас! О чём вы хотели со мной поговорить?

- У вашей семьи есть враги?

- Если и есть, мне о них неизвестно. А почему вы спрашиваете?

- Никто просто так не убивает среди белого дня таких людей как граф Росбери. Ваш кучер и ещё два человека видели убийцу. Это мужчина приблизительно пятидесяти лет, среднего роста, с лысиной. Под правым глазом есть маленький шрам. Вам эти приметы никого не напоминают?

- Нет!

- Я слышал, у вас были совсем непростые отношения с покойным графом Росбери.

- Куда вы ведёте? И что пытаетесь сказать? - резко спросила Элизабет.

- Думаете, это я подслала этого человека к отцу?

- Нет. Не думаю. Но спросить обязан. Это вы сделали?

- Нет!

- Возможно, у меня снова появятся к вам вопросы.

Констебль попрощался и ушёл. Элизабет тотчас же забыла об этом визите. Но он напомнил ей о долге дочери. Она всю жизнь ненавидела отца за то, что отнял у неё дитя, и даже сейчас, когда он уже умер, так и не смогла простить. Но достойно проводить его в последний путь она обязана. Именно этим и собиралась заняться Элизабет, когда сообщили о прибытии нотариуса.

- Не сейчас, мистер Вельбман! - Элизабет знала в лицо нотариуса отца.

- Я не задержу вас надолго! - Вельбман снял шляпу и поклонился.

Элизабет сделала нетерпеливый жест, показывая, чтобы он поторопился.

- Все бумаги готовы. Завещание тоже в порядке. Вы единственная наследница, и в ближайшее время сможете вступить во владение всей собственностью вашего отца. Кроме того, он вам оставил крупную сумму денег в количестве...

- Это всё? - оборвала его Элизабет.

- Нет. Я на самом деле пришёл по другому поводу. Ваш отец этим утром ехал ко мне, когда его ранили.

- Зачем он к вам приезжал? Хотел изменить завещание? Меня никогда не интересовали деньги, и вы это знаете.

- Знаю. Но речь о другом. Он хотел оставить для вас письмо, на случай если с ним что-то случится.

- Письмо? - Элизабет встрепенулась и подошла вплотную к нотариусу. - Он оставил письмо для меня?

- Не успел. Но хотел это сделать. Ваш отец был очень обеспокоен чем-то. Он обмолвился, что у него есть враги, и говорил, что вы оба находитесь в опасности.

- А про Ирландию или...ребёнка...он ничего не говорил?

- Нет. Я счёл своим долгом предупредить вас. После того, что случилось, я бы советовал со всей серьёзностью отнестись к беспокойству вашего отца.

Элизабет задумалась так глубоко, что даже не заметила, как ушёл нотариус. Вокруг отца всё время что-то происходило. Какие-то тайны и внезапные поездки...она до сей поры не знала, как именно умерла её мать. Она тогда была ещё ребёнком, а отец ничего не рассказывал о её смерти.

Глава 4

Семья Уиллоби

В восемь часов вечера того же дня, когда был убит граф Росбери, в одном из самых больших зданий на Кинг-стрит состоялось весьма примечательное событие, именуемое балом дебютанток. Две дюжины высоких окон заливали ослепительным светом едва ли не всю улицу. Десятки карет заполнили всё пространство. Родители, попечители и родственники впервые выводили в свет юных особ в надежде заключить для них выгодный союз. Ведь подавляющее большинство браков оговаривалось на таких торжествах.

Семьи группами с одной или даже несколькими дебютантками, входили в огромный малиновый зал под бой шотландских барабанов, и приветствовали главных патронесс сегодняшнего празднества: графиню Джерси и леди Палмерстон. Далее они расходились и располагались вдоль стен, оставляя всё время проход свободным, чтобы каждый прибывший имел возможность засвидетельствовать своё почтение патронессам. Для подобного рода торжеств предъявлялись самые строгие требования к нарядам. Для дебютанток допускалось только белое платье с открытыми плечами, предпочтение отдавалось муслину. Он был лёгок, полупрозрачен и самым наилучшим образом подчёркивал стан. Для волос позволялись лишь цветы или венки. Из драгоценностей – медальон или ожерелье из мелкого жемчуга.

Оттого отличить дебютанток от иных дам не представлялось делом сложным. Все они были одеты одинаково.

Для мужчин, вне зависимости от цели их появления, так же существовал чёткий набор требований. Им надлежало быть в бриджах, белой рубашке и фраке.

И поскольку речь самым непосредственным образом идёт о впечатлении, которая обязана произвести каждая дебютантка на противоположную часть общества, нам просто необходим мужской взгляд. С этой целью, мы обратим своё внимание на двух молодых людей. Они стояли на некотором отдалении от входа и шёпотом обсуждали каждую дебютантку. О чём же они говорили? Давайте послушаем:

- Эта ей Богу недурна!
- Недурна?! Взгляни на эти впалые щёки. Ей едва ли двадцать, а выглядит на все тридцать пять.
- А следующая?
- Напоминает дерево, которое растёт только в высоту!
- А куда оно может ещё расти? А что можно сказать об этой дебютантке?
- А что можно сказать о женщине с глупым лицом? Дура!
- Тебе ничем не угодишь.
- Почему же ничем?! Вот следующая девица мне вполне подойдёт.
- Да у неё такой цвет лица, будто она только вышла из гроба. Что у тебя за странный вкус?
- Она просто волнуется, оттого и лицо серого цвета. Ты только посмотри на этот волшебный носик. Так и хочется прижаться к нему губами.
- Волшебный носик? Ну да, вероятно она к тебе принюхивается. А как тебе та, что с пожилой леди?
- Хороша. Нет слов. Да и движения легки. Она словно порхает.
- Мне она тоже понравилась. Пожалуй, приглашу её на танец. Нет, подожди...вот ещё одна красавица, ...ещё лучше

- И, правда, прелестна...надо узнать её имя...чёрт, после такой красавицы...эта с обвислыми щеками...надеюсь, она не станет задерживаться у входа...

- Вот повезло так повезло...сразу две красавицы, ...выглядят как розы, цветущие в нашем саду, и благоухают так, что я даже отсюда чувствую их аромат...

- Голова идёт кругом...ещё одна...выглядит чудесно, да ещё и взгляд полон нежности...жаль, что она смотрит не на меня...

- И следующая прелестна!

- Прелестна? Она мне напоминает тётушку перед смертью. Худошава и стан кривой...

- Я имел в виду ту, что с родителями.

- А...её я не заметил...

- Не стоит переживать. Здесь много красивых дебютанток. Выберешь себе любую, какую пожелаешь.

- Я уже выбрал! Ты только взгляни на эти дивные голубые глаза...какие отточенные линии лица...Афродита. Богиня любви!

- Скорее Богиня зла. Держись от неё подальше. Она весьма не сдержана на язык.

- Ты знаком с ней?

- Однажды довелось танцевать. О чём сожалею до сей поры. Это Амелия Уиллоби. Дочь барона Уиллоби. Они идут под руку. А позади них Берна и Лизи Уиллоби.

- Тоже недурны! Я не прочь приударить за всеми тремя сёстрами.

- Будь осторожен. На Лизи Уиллоби имеет виды Виктор Бэндингтон.

Оставим молодых людей и обратим внимание на семью Уиллоби. Молодые люди очень точно их описали. Действительно, барон Уиллоби лично вывел в свет младшую дочь Амелию, которой только исполнилось восемнадцать лет. Другие две дочери уже выходили в свет, и теперь пришли, чтобы поддержать сестру, хотя она в том не нуждалась. По крайней мере, они сами так говорили. Однако их слова выглядели весьма сомнительно, учитывая те взгляды украдкой, которые они бросали на двух рыжеволосых молодых людей, которые в свою очередь не сводили взгляда с них. Это были кузены Виктор и Джейсон Бэндингтон. Как только появилась возможность, а выражалась она в том, что барон Уиллоби был занят разговором с Амелией, оба одновременно подошли и пригласили Берну с Лизи на французскую кадриль, с которой и должен был начаться бал. Получив согласие, они быстро удалились, чтобы раньше времени не попадаться на глаза барону Уиллоби, который откровенно недолюбливал главу семейства Бэндингтон.

- Мы можем поехать после бала к матушке Элизабет? - спрашивала Амелия у своего отца.

- Нет. Она прислал письмо, в котором приглашает нас завтра. И просит прощения за то, что не смогла вывести тебя в свет сама.

- Крёстная потеряла отца! Как она могла приехать в такой день на бал? Это мы все должны быть сейчас рядом с ней!

- Мы поедem...

Барон Уиллоби не договорил. В этот миг к Амелии подошёл молодой человек, назвал своё имя, поклонился и пригласил на кадриль.

- Простите, я занята и не смогу оказать вам внимание! - вежливо ответила Амелия.

Молодой человек побледнел, снова поклонился и медленно пошёл прочь.

- Не смей! - прошипел барон Уиллоби. - Не смей! Веди себя так же, как все остальные девушки.

- Генри! - достаточно громко выкрикнула Амелия. Молодой человек, который недавно получил отказ, повернулся и устремил на неё удивлённый взгляд. - Генри?! Вас ведь так зовут?

Молодой человек кивнул. Амелия поманила его рукой к себе. Тот сразу же подошёл.

- Я передумала, Генри. Первый танец ваш!

Поблагодарив её, Генри отошёл, но недалеко.

- Вы сами того желали! - Амелия даже не старалась делать вид, будто не замечает возмущённый взгляд отца.

Не один барон Уиллоби был возмущён. Все кто стал свидетелем столь грубой выходки, то и дело косились в её сторону с откровенной неприязнью.

Сёстры не обратили внимания на поведение Амелии. Они лучше других знали её нрав. Вероятно, по этой причине всё время старались сохранять некоторое расстояние между собой и ею.

Тем временем, объявили французскую кадрили.

- Не смей его обижать! - успел шепнуть барон Уиллоби до того, как Генри повёл Амелию на танец. Мало ему было беспокойства за Амелию, а тут ещё заявился сын этого выскочки Бэндигтона, и повёл Лизи на танец. Второго барон Уиллоби не знал в лицо, но намеревался выяснить его имя сразу после танца.

Выстроившись в ряды, юные леди со своими кавалерами ждали начала танца. Зазвучали первые аккорды. Кавалеры отступили на шаг вправо и поклонились. Следом сделали шаг дамы, и присели в реверансах. Затем кавалеры взяли их за руки, и повели вперёд. Один ряд проходил сквозь другой, создавая неповторимое очарование.

Когда они снова взялись за руки, Генри допустил серьёзный промах. Он спросил Амелию, что она о нём думает.

- А что можно думать о человеке, который с радостью принимает унижение? Он жалок.

Генри споткнулся и чуть не упал. Амелии пришлось его поддержать.

- Да ещё и на ногах не держится!

- Зачем вы сюда пришли? - успел спросить Генри, прежде чем они разошлись в разные стороны. Когда они вновь сошлись, Амелия со всей любезностью ответила на вопрос.

- Посмотреть на таких болванов как вы!

Генри остановился среди танца. А затем, не поклонившись с высоко поднятой головой, ушёл восвояси. Амелии тоже пришлось вернуться к отцу. Её встретил гневный взгляд.

- Генри почувствовал себя дурно, - Амелия изобразила некое подобие расстройства.

- Уезжай домой, пока ты всех нас здесь не опозорила. Я с твоими сёстрами возьму наёмный экипаж!

- Как скажете, батюшка, - Амелия поклонилась ему, а потом неторопливо направилась к выходу.

- Наверняка ослушается и отправится к Элизабет, - пробормотал ей вслед барон Уиллоби и тяжело вздохнул. - Господи, когда же я от неё избавлюсь?! Неужели, мне всю жизнь терпеть эти муки? Откуда взялся у неё этот характер? Если б не Элизабет, я бы не справился с Амелией.

Элизабет! Она всегда оставалась для барона Уиллоби той юной красавицей, в которую он влюбился много лет назад. А потом...потом

сделал предложение. Но она выбрала другого человека. После того злополучного вечера, когда она отвергла его руку, они не встречались несколько лет. Судьба свела их лишь в день похорон Аманды, покойной баронессы Уиллоби. Он остался один, с тремя дочерьми на руках. Лизи исполнилось всего три года, Берне два. А Амелия родилась в день смерти своей матери. Это произошло ровно восемнадцать лет назад. И все эти восемнадцать лет Элизабет поддерживала его. Она относилась к его дочерям как к своим собственным, но больше всех любила Амелию. Она души не чаяла в младшей дочери и однажды призналась, что Амелия напоминает её саму в молодости. Дочери называли её не иначе как матушка Элизабет. Он сам иногда называл её по имени. Барон Уиллоби и сейчас продолжал её любить. Возможно даже больше, чем в молодости, но ни разу за эти годы так и не осмелился на откровенный разговор. Он боялся. Боялся, что она снова уйдёт и оставит его одного. И главной причиной страха являлся траур, который и по сей день соблюдала Элизабет по своему покойному супругу. Он никогда бы не осмелился потревожить столь трогательную преданность.

Барон Уиллоби полностью погрузился в мысли, оттого и не замечал как Лизи и Виктор смотрят друг на друга. А они не только смотрели, но и разговаривали:

- Когда, Лизи? Когда? – спрашивал у неё Виктор.
  - Я уже сказала. Завтра. Встретимся в кофейне, как обычно.
  - Когда я смогу просить твоей руки?
  - Надо ещё немного подождать, Виктор!
  - Ты меня не любишь!
  - Я тебя люблю, а вот мой отец действительно не любит.
  - Я – то в чём виноват?! Они с моим отцом разъехаться не смогли, поэтому и разругались.
  - Твой отец не уступил дорогу!
  - Твой отец тоже не уступил дорогу!
  - Не смей грубить, Виктор!
  - А как насчёт тебя?
  - Я говорю правду!
  - Я тоже говорю правду!
  - Нет! Ты грубишь! И если ты сейчас не извинишься, мы с тобой никогда больше не увидимся.
  - Ну и прекрасно. Раз ты не способна выслушать правду, нам действительно не стоит встречаться.
- Оба надулись, замолчали и до конца танца больше не заговаривали. Дела Берны с Джейсоном обстояли немногим лучше. Оба испытывали симпатию друг к другу, но так и не решились заговорить до самого конца бала. Уезжая с дочерьми после бала, барон Уиллоби пришёл к выводу, что Амелия была права, когда говорила, что не стоило сюда вообще приезжать. Как он и предполагал, Амелии не оказалось дома.
- Что мне с ней делать, ума не приложу! – бормотал он, ворочаясь в постели.
- Надо выдать её замуж. Но как? Она меня не станет слушать. Поговорю завтра с Элизабет. Она лучше меня знает, как следует поступить.

Глава 5

Театр Друри-Лейн

Тем же вечером начинался ещё один «Гамлет» в театре Друри-Лейн. Десятки, сотни мужчин и женщин сдавали свои плащи, пальто и даже шубы в гардеробную. Часть из них воспользовалась услугой бесплатной чистки обуви. Но зеркало продолжало оставаться спокойным. Шилли сосредоточенно очищал обувь. Мама Жантан и Лотри развешивали одежду в гардеробной. Джонни Мышонок в костюме шута подпрыгивал и отпускал незатейливые шуточки в адрес прибывающих зрителей, при этом он не упускал ничего из того, что происходило вокруг гардеробной. Но вот Лотри схватилась за своё правое ухо и несколько раз слегка подёргала его. В этот самый миг мама Жантан принимала пальто у высокого джентльмена. Это был сигнал, адресованный Шилли. И Шилли его увидел. Он в это самое время очищал красные туфельки одной дамы, что ничуть не мешало наблюдать через зеркало за тем самым высоким джентльменом. Вот он развернулся и неторопливо прошёл мимо Шилли. Шилли наклонил голову. Это значило, что выбор жертвы его не устраивает. В течение следующей четверти часа такие знаки были поданы в отношении ещё одного джентльмена. Они так же были отвергнуты Шилли. Первый поток людей схлынул, когда к гардеробной подошёл самодовольно улыбающийся толстячок лет пятидесяти в сопровождении молодого человека. Пока он передавал своё пальто, Лотри снова схватилась за ухо. Сдав пальто, толстячок вошёл к Шилли и поставил ногу на декроттуар с видом человека, который оказывает великую честь, позволяя прикасаться к своей обуви.

– Чтоб ни одного пятнышка не осталось на моих новых туфлях доставленных из Франции, – высокомерно бросил толстячок, одновременно доставая из кармана монету в три пенса.

Шилли принял деньги, несколько раз пылко поблагодарил, а потом с показным вниманием начал рассматривать стоящую перед ним туфлю с золотистой пряжкой посередине.

– О чём я говорил? – полуобернувшись, спросил толстячок у своего спутника.

– Алоиза, – напомнил спутник.

– Алоиза! – восторженно подхватил толстячок. – Это очаровательное создание вполне способно внушить неудержимую страсть любому мужчине. Рядом с ней я чувствую себя юнцом. Она столь страстна, столь неистова в постели, столь умело выстраивает встречи...я в восторге от этой девушки... и намереваюсь оставить её только для себя.

– Мистер Догерти, а кто она по национальности?

– Говорит, итальянка, и даже произносит моё имя на итальянский лад «Джованни». Но я ей не верю. Она слишком хорошо разговаривает на английском языке. Скорее всего, она ирландка или шотландка...

Раздался протяжный звонок, предупреждающий зрителей о скором начале представления. Шилли взъерошил свои волосы несколько раз правой рукой, а потом заработал обеими руками так быстро, как только мог. Этот знак означал, что жертва уже выбрана.

Толстячок со своим спутником ушли, продолжая обсуждать ту самую Алоизу. За ними сразу же увязался Мышонок. Он танцевал и прыгал рядом с этими двумя, одновременно очень внимательно прислушиваясь ко всему, что они говорили.

Дальнейшие действия представляли собой набор отработанных шагов. Как только от гардеробной отошёл последний человек, мама Жантан отнесла чай швейцару и заняла его разговором. Одновременно, Лотри с

Шилли скрылись за дверью, ведущей в закрытую часть театра. Они быстро миновали коридор и поднялись по лестнице на чердак, который был завален театральным реквизитом. В дальнем углу чердака возвышался древний массивный шкаф. Именно к нему оба и направились. Лотри распахнула дверцы, осторожно раздвинула вешалки с мужской одеждой и, склонившись, прошла сквозь появившийся просвет. Шилли проследовал за ней. За шкафом оставалось крошечное пространство, скрытое от посторонних взглядов и представляющее собой... обычную гримёрную. Зеркало на стене, столик со всеми необходимыми, миниатюрные серебристые коробочки с составами, которые могли стать предметом зависти для любого гримёра, и старое кресло.

– Кем мы собираемся стать? – спросил Лотри, закатывая рукава своего платья.

– Лонтерн! – с некоторым озорством ответил на это Шилли.

Лотри весело рассмеялась.

– Ведняга! Он ведь столько страдал по твоей вине. Тебе его совсем не жаль?

– Жаль. Поэтому я и хочу сделать из него знаменитость. Пусть купается в лучах моей славы и помнит мою доброту. Кто знает, может у него тоже есть таланты к нашей профессии?

– Лонтерн так Лонтерн.

– Справишься?

– Самая сложная задача – найти эту дурацкую красную бабочку, в которой он всегда ходит. Если не найду, возьму чёрную и перекрашу в красный цвет.

Лотри исчезла в гардеробе, а Шилли начал быстро раздеваться. Он разделся до нижнего белья и стал крутиться в разные стороны перед зеркалом подражая актёрам.

– Для вас не лучшая встреча, сэръ! – то и дело повторял он любимую фразу Лонтерна, придавая своему голосу различные интонации.

Лотри вернулась, держа в руках белую рубашку, бабочку красного цвета, светлый жилет и серый пиджак с брюками. Всё это она передала в руки Шилли, а потом снова ушла и вернулась уже с цилиндром и плащом, которые сразу же повесила на стену рядом с зеркалом.

Она помогла Шилли одеться, затем усадила в кресло и по шею обмотала простыней с множеством разноцветных мелких пятен.

Она разглядывала лицо брата лишь несколько коротких мгновений, а потом потянулась к ящичкам, которые располагались ровным рядом справа от гримёрного стола. Выбрав один из них, она поставила его перед собой и открыла. Он оказался битком набит бакенбардами различных форм и длины. Она выбрала одну пару и положила их на стол. Следом за бакенбардами появилась коробочка с усами, бровями, носами и ящик с париками. Отобрав всё необходимое на её взгляд, Лотри стала их крепить к лицу с помощью специального клея.

Прошло совсем немного времени с того момента, когда Шилли сел в кресло, но теперь это был уже другой человек. В зеркале отражался мужчина со светлой шевелюрой, курчавыми бакенбардами, которые закруглялись в нижней части подбородка, и пышными рыжими усами, закручивающимися кверху в виде полукольца у самых уголков губ. Но это всё же был молодой человек. Следовало его немного состарить, и придать чертам лица схожесть с лицом Лонтерна.

Лотри слегка подёрнула наложенную растительность. Лишь убедившись в надёжности своего творения, она приступила к самому главному таинству

– работе над лицом. С помощью набора специальных кисточек, штрих за штрихом, молодой человек ухаживал, уступая место мужчине с розоватым лицом и мелкими морщинами под глазами.

Ровно через час и эта часть работы была завершена. Как раз тогда и появился младший брат. Джонни Мышонок едва не сбежал, увидев брата.

– Вот это да! – с восхищением выдохнул Джон Мышонок, собираясь дотронуться до лица Шилли, но Лотри на него так цыкнула, что он сразу отдернул руку.

– Как там Гамлет? – спросил у него Шилли.

– Офелия узнала, что Гамлет убил её отца.

– У нас ещё полно времени, – пробормотала Лотри, оглядывая лицо Шилли со всех сторон.

– Больно уж на нашего Бейлифа похож, – с беспокойством заметил Джонни Мышонок и тем самым вызвал горделивый взгляд Лотри.

– Попробуй! – попросила она у Шилли.

Шилли встал и, направив правую руку с выставленным указательным пальцем в сторону зеркала, внушительно произнёс:

– Для вас не лучшая встреча, сэр!

У Лотри на лице появилось недовольное выражение.

– Не похоже. Мягко. Слишком. Твой голос должен звучать жёстче и немного грубовато.

Шилли понятиво кивнул и повторил прежние слова, придавая голосу требуемые оттенки.

– Для вас не лучшая встреча, сэр!

– Хорошо, но слишком грубо. Грубость должна звучать не столь явно.

Она подчёркивает фамильярность, но ни в коем случае не должна задеть собеседника. Попробуй ещё раз.

Шилли пришлось повторить несколько раз, прежде чем он заслужил благосклонный взгляд сестры.

– Из тебя мог бы получиться прекрасный актёр. Ты очень быстро и очень точно вживаешься в роль.

Джонни Мышонок начал рассказывать всё, что ему удалось подслушать.

Большей частью речь шла о том, что Шилли уже слышал сам. Новостью стало лишь то, что этот самый Догерти собирался забрать Алоизу из публичного дома и поместить в отдельную квартиру втайне от своей супруги.

– Не целуй никого. У тебя губы подкрашены. Не сморкайся слишком сильно, иначе нос слетит. Не три глаза, иначе морщины исчезнут, – на прощание предупредила Лотри. Она помогла ему надеть плащ, сама поместила цилиндр на голове, и в конце перекрестила.

Спустя пять минут из маленькой двери театра со стороны Рассел-стрит вышел мужчина средних лет в плаще и цилиндре. На воротнике рубашки ярко выделялась красная бабочка. Он направился в сторону кареты, запряжённой двойкой чёрных лошадей. Карета стояла на улице, за оградой. На козлах сидел Ягр.

– Я один поеду.

Ягр без единого слова сошёл с козел, уступая место сыну.

Надвинув цилиндр глубоко на лоб, Шилли сел на место кучера и тронул лошадей. Карета медленно проехала до угла и завернула налево, на Кэтрин-Стрит. Проехав ещё немного, она остановилась. Отсюда был прекрасно виден портик с лестницей. Оставалось дожидаться появления жертвы.

Шилли всегда охватывал азарт перед каждым ограблением. Но сейчас к азарту примешивалось и заметное злорадство. У него появилась ещё одна возможность воздать заслуженное наказание неугомонному полицейскому за причиняемое им беспокойство в отношении себя и своей семьи.

Очень скоро из дверей начали появляться первые зрители. Поток людей с каждой минутой увеличивался. Шилли всё время выискивал взглядом знакомое лицо. А искал он своего младшего брата. Джонни Мышонок всегда шёл перед жертвой, показывая, где его следует искать. Так случилось и на этот раз.

Толстячок вышел из театра с тем же самым молодым человеком. Поговорил с ним немного. А потом они расстались, и он перешёл на другую сторону улицы. Карета медленно двинулась с места и неторопливо поехала за двухместным зелёным кэбом, в котором находилась будущая жертва.

Спустя два часа, миссис Догерти открыла входную дверь. На пороге стоял хорошо одетый незнакомый мужчина. Особенно в глаза бросалась красная бабочка.

– Кто вы такой и что вам нужно? – недоумённо оглядывая незваного гостя, спросила миссис Догерти.

– Добрый вечер, мэм! – Шилли приподнял край цилиндра. – Моё имя Лонтерн. Полиция Лондона. Мне необходимо безотлагательно побеседовать с мистером Догерти. Он дома?

– Да! – с возрастающим удивлением и некоторым испугом ответила миссис Догерти, а в следующую минуту повернулась и громко позвала мужа. Он явился, набивая трубку табаком. Заметив незнакомца рядом с женой, он грозно осведомился о цели визита.

– Вы – мистер Догерти? – последовал в упор вопрос.

– Да!

– Лонтерн. Полиция Лондона. Мне необходимо с вами поговорить по весьма важному вопросу.

– Полиция Лондона? – с беспокойством переспросил мистер Догерти. – Но сейчас слишком поздно...

Шилли прошёл между озадаченными супругами, вошёл в дом и внимательно огляделся по сторонам.

– Кто ещё здесь живёт?

– Наши дети...и слуга! – ответил мистер Догерти. – Позвольте, почему вы...

– Где ваш кабинет?

– Наверху...по лестнице...

– Следуйте за мной, мистер Догерти, и воздержитесь от любых слов; ваше положение и так выглядит весьма шатко в глазах правосудия.

Шилли с решительным видом вступил на лестницу и начал быстро подниматься. Мистер Догерти пожал плечами в ответ на вопросительный взгляд супруги, и тут же направился вслед за полицейским.

Решительность последнего не оставляла никакой возможности для любого промедления.

На верхней площадке Шилли остановился и посторонился, предлагая хозяину дома проявить хоть маленькую толику гостеприимства. Его жест был воспринят правильно. Мистер Догерти открыл дверь кабинета, пропустил гостя, а потом вошёл сам.

– На вашем месте я бы закрыл дверь, – посоветовал Шилли.

– Пусть остаётся открытой. Мне нечего скрывать от...

– А как же Алоиза?

Мистер Догерти побледнел и сразу захлопнул дверь. После чего обратился с просьбой.

- Прошу вас, прошу, моя жена ничего не должна узнать, ...я готов заплатить...десять фунтов прямо сейчас...

- Десять фунтов? - насмешливо переспросил Шилли. - Десять фунтов за убийство молодой женщины в расцвете сил?

- Убийство?! - мистер Догерти в одно мгновение стал зелёного цвета.

- Алоизу нашли сегодня на берегу Темзы с ужасными ранами на теле. Я всякое видел, но то, что вы с ней сделали...

- Это не я! Господом клянусь, это не я...

- А я вот слышал совсем иное. В том самом публичном доме, в котором вы навещали несчастную итальянку. Хотя нет, Алоиза на самом деле была ирландка. Она только выдавала себя за итальянку. Так вот, мне рассказали, что она была влюблена в некоего мистера Догерти, и так предана своей любви, что никого кроме него не принимала. А за несколько дней до своей смерти, она даже призналась, что ждёт ребёнка... Поэтому вы её убили? - сверля взглядом поникшего мистера Догерти, в упор спросил Шилли. - Вы знали, что бедняжка понесла от вас и не захотели скандала?

- Нет! Нет! Нет, я не знал, что она ждёт...

- Вас повесят, мистер Догерти. И это произойдёт уже в этом месяце!

- Я не убивал, не убивал, клянусь вам, не убивал, я не знал, вообще ничего не знал. Я даже не видел её всю последнюю неделю...

- Оставьте свои оправдания. Они выглядят слишком неубедительно.

Кстати это уже не первый случай убийства молодых девушек. Вы и раньше их убивали. Не так ли?

Мистер Догерти отрицательно затряс головой.

- Полагаю, в суде у вас не будет даже малейшей надежды спасти свою жизнь.

- В суде? - мистер Догерти находился в состоянии близком к обмороку.

- Я просто обязан передать ваше дело в суд. Да, у меня есть крупные карточные долги в размере тысячи трёхсот фунтов. И это обстоятельство не может не удручать, но справедливость, прежде всего.

- Пятьсот сорок фунтов!

- Простите?

- Я дам вам пятьсот сорок фунтов прямо сейчас. Это все мои деньги. Взамен вы спасёте меня от...позора.

Шилли принял задумчивый вид, но только для вида.

- Замять дело полностью не получится, - мистер Догерти не успел снова расстроиться, как услышал вполне обнадеживающие слова, - но меня есть на примете один негодяй. Его вполне можно обвинить в убийстве Алоизы.

- Благодарю вас! От всего сердца, благодарю! - оглядываясь на дверь, тихо вскричал мистер Догерти.

- Надеюсь, вы понимаете, что мной руководит лишь долг чести, связанный с выплатой карточных долгов, - Шилли пристально наблюдал за лихорадочными действиями мистера Догерти. Тот рылся в шкафу, вытаскивая оттуда книги, одежду и даже посуду. Деньги появились в самом конце. Он передал перевязанный пакет Шилли и испытал настоящее облегчение, когда тот принял его.

- Проводите меня, - попросил Шилли.

- Конечно, конечно, мистер...

- Лонтерн. Не забудьте моё имя!

- Не забуду! - пообещал мистер Догерти.

Как и обещал, он проводил своего спасителя до кареты. Прежде чем сесть на место кучера, Шилли насмешливо бросил незадачливой жертве: – Не забудьте передать привет Алоизе, когда в следующий раз поедете её навещать!

Карета тронулась с места. Раздался звон. К ногам мистера Догерти упала монета. Он нагнулся и поднял её, но сумел рассмотреть только дома. Это был серебряный шиллинг с двумя одинаковыми круглыми отверстиями по краям.

Глава 6

Непредвиденное знакомство

Шилли пребывал в самом прекрасном расположении духа и искренне сочувствовал Лонтерну. «Бедняга, следует выделить ему пару фунтов, как-никак помог мне неплохо заработать, – весело думал он, – хотел бы я посмотреть на его лицо, когда он обо всём узнает».

– Эй, стой!

Крик раздался неожиданно. Сразу пришла мысль о полиции. Шилли натянул вожжи и нащупал пистолет под плащом.

– Езжай назад!

Этих двух слов хватило, чтобы Шилли почти с ювелирной точностью представил образ человека, который мог позволить себе столь глупую просьбу.

– Ты глухой?

Это определённо была не полиция, а некое создание противоположного пола. Шилли начал оглядываться по сторонам, а потом приподнялся и обернулся. Позади, в полутьме, угадывались очертания перекошенной кареты. Судя по всему, у неё отлетели сразу два колеса с левой стороны. Рядом с ней двигалось нечто белое и постоянно изрыгало проклятия. Слово «извозчик» звучало наиболее часто.

Шилли только сейчас сообразил, что его приняли за извозчика, поэтому и остановили.

– Этот ещё хуже, чем остальные. Долго вас ждать? – раздался сзади раздражённый голос.

– Какого чёрта вам от меня понадобилось...ночью? – громко спросил Шилли.

– Правит кэбом, а не понимает, для чего его остановили. Я уж не упоминаю о сломанной карете, которую просто нельзя не заметить. Законченный болван!

– Вы назвали меня болваном? – Шилли не мог поверить, что к нему обращаются с таким неуважением.

– Я сказала «законченный болван», – слева от Шилли появилась молодая женщина. Светильник, подвешенный к кэбу, достаточно хорошо освещал гневное лицо. – Или мне надо подробно объяснить, зачем я вас остановила? Хорошо. Мне нужен извозчик, чтобы уехать из этого проклятого места, – закричала она.

– Если будете вести себя...

– Только не хватало слушать нравоучения от вонючего извозчика, от которого за милую душу несёт конским навозом!

Молодая женщина забралась в кэб, и уже оттуда крикнула:

– Мэрилебон. К Мэрилебон Гарденс. Усадьба Росбери!

Шилли никак не мог определиться, как поступить с этой наглой девицей. Ей определённо следовало преподать урок.

– Вы поедете или нет?

– Ну, если вы желаете, леди, как я могу отказаться?!

Шилли тронул карету с места, направляясь по указанному адресу. С его губ не сходила довольная улыбка. Судя по всему, ему предстояла весёлая ночка. Ведь эта девица, при всём своём дурном воображении, даже представить не могла, к кому напросилась в попутчики. И очень скоро могла расстаться с любыми ценностями, которые наверняка имелись у неё дома.

Увидев яркий свет и настезь отворённые ворота в такое позднее время, Шилли сразу догадался, что незнакомка спешила на некое печальное событие.

Сунув ему в руку шиллинг, она побежала в дом. Он же проехал немного вперёд, к деревьям, которые окутывала со всех сторон чернота, потом сошёл с козел, привязал лошадей и, прихватив несколько отмычек, отправился за очередной добычей.

Шилли перелез через железную ограду, и затаился за кустами. Отсюда отлично просматривалось пространство перед домом, и лестница с парадным входом, представляющий из себя портик с двумя колоннами по краям.

То и дело по лестнице сновали люди. Но это обстоятельство ничуть не беспокоило Шилли. Главный вход для хозяев и гостей. А для таких людей как он, существовали окна, балконы и крыши. Именно ими он и собирался воспользоваться. Предпочтительней всего казался подход с западной стороны. Даже отсюда были видны выступы на стене и балкон на уровне второго этажа. Шилли всегда поражался подобной недалёковидности хозяев. Они ведь сродни лестницы. По ним мог взобраться даже обыкновенный вор, а для такого человека как он, который всё детство и юность провёл в цирке, и часть из них, работая в труппе акробатов – эти выступы были сравнимы с обыкновенной дверью, в которую можно войти, не прикладывая никаких усилий.

Пригибаясь к земле, и ни на миг, не упуская из виду пространство перед домом, Шилли крадучись двинулся вперёд. Однако вскоре остановился. Его внимание привлекли двое мужчин, которые несли гроб. Судя по всему, обитателям этого места было не до него.

«Что ж, отлично, прекрасно», – думал Шилли, подбираясь к нужной стене. Он ухватился за первый выступ, подбросил тело наверх и зацепился за второй выступ. Спустя мгновение он уже сидел, пригнувшись, на первом выступе и оглядывался по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, он приподнялся и продолжил подниматься. Меньше чем через минуту он уже подвис у основания балкона. Ещё один бросок вверх. Шилли бесшумно перекатился через перила и замер. Но лишь на одно короткое мгновение. Поднявшись, он подошёл к глухой двери и осторожно повернул ручку. Она не поддавалась. Дверь была заперта. Тогда он сдвинулся вправо и заглянул в окно. Взгляду предстала хорошо освещённая комната с широкой кроватью, массивный шкаф, круглый стол, два диванчика и несколько кресел, а так же комод, на котором стояли три бронзовых подсвечника и шкатулка. Шкатулка и привлекла внимание Шилли. Он достал отмычку и склонился над замком. Через считанные мгновения раздался характерный щелчок. Ручка поддавалась под нажимом. Дверь приоткрылась, и одновременно в уши врзался резкий женский голос:

- Сюда!

Шилли отпрянул назад и прижался спиной к стене, слева от приоткрытой двери.

- Сюда! - послышался звук шагов, после чего хлопнула дверь.

- Ваша светлость, - раздался ещё один женский голос, - мы понимаем, вы потеряли сегодня отца...

- К чёрту моего отца! - зазвенел прежний голос. - Я вообще не переживаю по поводу его смерти. У меня к вам вопросы. И вы мне на них ответите.

«Да у неё совсем нет души! Обработать её - святое дело», - думал в эти мгновения Шилли. Ему стало любопытно. Сквозь приоткрытую дверь ничего нельзя было увидеть, поэтому он сдвинулся к окну и осторожно заглянул внутрь. Взгляду предстала женщина средних лет в чёрном платье с бледным лицом и ещё три пожилых человека: двое мужчин и одна женщина. Они стояли перед ней с опущенными головами. Судя по всему, она отчитывала слуг. Шилли отступил на прежнее место. Он надеялся, что они скоро уйдут, и он сможет осмотреться в этой комнате.

Тем временем, снова послышался голос женщины в чёрном платье.

- Где Джон Бирн? Куда он ехал в Ирландию? Где моя дочь? Вы должны знать!

- Мы ничего не знаем. Ничего, - вразнобой раздались голоса.

- Вы должны знать. Вы всю жизнь провели рядом с моим отцом.

- Мы не знаем. Нам ничего не известно.

- Вы должны знать! - раздался крик, который тут же перешёл в мольбу.

- Прошу вас, умоляю, заклинаю всем, что вам дорого, вспомните хоть что-то, чтобы помогло в поисках...вы помните тот день, когда я ушла из дома?

- Да. Да. Помним. Ваш покойный отец был очень зол.

- После того как я ушла из дома, мы жили с мужем в Ист-Энде, возле башни Гамлета. Вы слышали об этом?

- Да, - снова раздались прежние голоса. - Супруг вашей светлости приезжал сюда. Ваш покойный отец граф Росбери тоже упоминал об этом.

- Хорошо. Очень хорошо. Самый важный и самый несчастный день в моей жизни. Постарайтесь хотя бы что-то вспомнить. Двадцать два года назад девятнадцатого апреля я родила своё дитя. Отец отнял у меня новорождённую дочь и отдал её Джону Бирн. Там ещё была повитуха...такая худая женщина с красным лицом, у неё ещё оспинки были...она принимала роды. А потом Джон Бирн приезжал сюда с моим ребёнком. И уже отсюда уехал с ней в Ирландию...

Возникла короткая пауза, после чего снова раздался голос женщины:

- Любое, даже самое незначительное воспоминание мне поможет...

пожалуйста...

- Ваша светлость уже не раз нас спрашивала о тех событиях...

- Я не знала, что Джон Бирн увёз мою дочь в Ирландию. Ну же...вы должны хоть что-то вспомнить...может он говорил, куда поедет и рассказывал о своём доме?

- Нет! Нет! Нет! Мы бы рассказали...но он никому ничего не сказал, когда уезжал...разве можно скрывать от матери дитя?

- Уходите...

До Шилли донёлся звук шагов. Он не вытерпел и снова заглянул в окно. Женщина в чёрном платье стояла спиной к нему. Потом неожиданно упала на колени и закричала:

- Будь ты проклят, отец! Почему? Почему ты мне ничего не рассказал? Где моя дочь? Где я буду её искать? Где? Мне жизни не хватит её найти...- следом донёсся плач.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнате появилась та самая девушка, которую он подвозил. Шилли быстро отпрянул от окна, но крик её он не мог не услышать.

- Матушка Элизабет! Крёстная!

Шилли снова подошёл к окну, и увидел, как молодая девушка обнимала женщину.

- Амелия! Дитя моё...не придавай значения моим слезам...я просто расстроена смертью отца. У тебя праздник...впервые вышла в свет...

- Крёстная, какой праздник? Разве я могу радоваться, когда ты так печалишься? Пойдём, пойдём, я приготовлю тебе чай,...мы поговорим, и тебе станет легче. Пойдём...

Эта самая Амелия обняла женщину и вывела её из комнаты. Шилли прикрыл дверь. Потом вытянулся над перилами и заглянул вниз. Никого поблизости не оказалось. Одним движением он перебросил тело вперёд и через мгновение мягко приземлился на траве. Оглянувшись по сторонам, он побежал к изгороди.

Спустя несколько минут, он уже гнал лошадей по дороге домой. В ушах так и звенел голос, полный горя и отчаяния: «Где моя дочь, отец?».

Ему никогда не было дела до чужих страданий, но переживания этой женщины его задела. Очень сильно задела. И если кто-то ей мог помочь, то это был именно он.

Дома никто не спал. Все волновались. Ждали его. Шилли коротко обо всём рассказал, передал маме Жантан добытые пятьсот сорок фунтов, а потом отвёл отца в кузницу.

- Дай знать всем нашим ребятам в Ист-Энде. Нужно найти повитуху, которая двадцать два года назад принимала роды где-то рядом с башней Гамлета. Награда двадцать фунтов.

- Стоящее дело? - спросил заинтригованный Ягр.

- Да. Пусть из-под земли достанут её, или семью этой повитухи.

В шесть часов следующего утра на третьем этаже уже известного нам дома раздался громкий стук. Протирая сонные глаза, Лонтерн отворил дверь и с удивлением узрел толстяка в сопровождении двух констеблей.

- Это он! - завопил мистер Догерти. Он бросился вперёд, вцепился двумя руками в горло Лонтерна и что было мочи, закричал: - Верни мои деньги, мерзавец!

Глава 7

Крёстная

В тот же день, в полдень, состоялись похороны графа Росбери. Прощание было коротким. Священник прочитал молитву, а друзья и родственники сказали подобающие печальному событию слова. Многие обратили внимание, что дочь покойного не пролила ни единой слезинки. Она была молчалива и не сводила взгляда с гроба. Но и только.

После похорон все вернулись в особняк Росбери, чтобы почтить память покойного за столом. Поскольку новоиспечённая графиня Росбери отчётливо показывала своё равнодушие к происходящему, никто не стал

задерживаться. Уже к семи часам вечера рядом с Элизабет осталось только семейство Уиллоби.

Амелия с самого своего приезда не отходила от крёстной. Она всячески пыталась её приободрить и поддержать в столь тяжкие для неё дни. Если она и была удивлена равнодушием крёстной к столь печальным событиям, то никак этого не показывала.

Даже сейчас, когда отец с сёстрами Берной и Лизой расположился на роскошном диване, обитым светлым бархатом, Амелия, распутив своё платье, сидела прямо на ковре рядом с креслом крёстной.

– Вы хорошо себя чувствуете, Элизабет? – спросил было барон Уиллоби, но тут же расхохотался. Правда, он быстро захлопнул рот, и принёс извинения. Четвёртые за этот день. – Простите! – раскаянно пробормотал он. – У вас...такое горе...

– Батюшка, вы целый день слишком веселы, – с подозрением заметила Амелия, – настолько веселы, что даже похороны графа Росбери вас не смогли успокоить.

– Прошу прощения! Ничего не могу с собой сделать! – барон Уиллоби развёл руками. – Как прочёл статью в утренней газете, так остановиться не могу.

– Сэр Шиллинг?! – спросила у него Элизабет. Она прекрасно знала, с каким восхищением относится к этому вору барон Уиллоби.

– Вы удивительно проникательны, Элизабет.

– Что же он натворил на это раз? – поинтересовалась она, но лишь из желания оказать внимание своему собеседнику.

– Выкрал из собственного дома полицейского по фамилии Лонтерн, которому было поручено его арестовать. Потом раздел и привязал к столбу на Кэтрин-Стрит. Полицейский всполошил всю улицу своими криками. Он умолял его не сжигать. А когда его освободили, заявил, что сэр Шиллинг собирается взорвать Скотланд-Ярд с помощью двенадцати бочек с порохом. Дело дошло до того, что он остановил повозку гружённую бочками с вином, и даже прострелил одну из них. В результате чего насмерть перепугал извозчика и причинил немалый ущерб его хозяину. Когда начальника полиции спросили, что он обо всём этом думает, тот ответил, что у него в полиции и без Лонтерна хватает болванов.

Элизабет нашла в себе силы улыбнуться, когда слушала рассказ барона Уиллоби. Берна и Лизи тихонько смеялись. Амелия же выглядела хмурой, и высказалась по поводу этого вора, как только появилась возможность:

– Жалкий прохвост, возомнивший себя великой личностью. Он только и способен обманывать таких законченных болванов как этот Лонтерн. Ничтожество и трус. Вот кто этот сэр Шиллинг. Попадись он мне в руки, его ничто бы не спасло.

– Не вздумай повторять эти слова в публичных местах! – предостерёг барон Уиллоби. – Если они до него дойдут, тебе и всем нам не поздоровится.

– У него духу не хватит покуситься на людей, которые обладают хотя бы относительно небольшим количеством ума.

– Не стоит недооценивать этого преступника, – нравоучительно заметила Элизабет. – Он уже два года водит всех за нос. Этот человек определённо обладает всеми теми качествами, которых следует опасаться.

– Божь, меня его таланты не смогли впечатлить, – отозвалась Амелия. Элизабет встала с кресла. Все сразу же встали вслед за ней.

– Джордж! – обратилась Элизабет к барону Уиллоби. – Мы могли бы поговорить наедине. Мне необходимо с вами посоветоваться по одному очень важному делу. – Отследив поклон, она добавила: – В кабинете отца.

Они вышли, оставив сестёр наедине. Следом за ними ушла и Амелия, но отправилась она на балкон. Несмотря на холод, она пошла туда в одном платье. Ею владел гнев в эти мгновения. Она думала о сэре Шиллинге, которым даже отец восхищался. «Да как они могут восхвалять вора, преступника, бандита?! – думала она и злилась. – Попадись он ей, она бы сама его арестовала и сдала бы в полицию». Эта мысль воодушевила её. Амелия решила, что просто обязана избавить порядочных людей от столь зловещей личности. Оставалось придумать, как это сделать. Приняв необдуманное решение, она пришла в прекрасное расположение духа.

– Я преподам им всем урок, – бормотала под нос Амелия, и уже представляла, как этот сэр Шиллинг стоит перед ней на коленях и вымаливает пощаду. Она представляла свой будущий триумф во всех подробностях, упуская из виду два очень важных обстоятельства: она не знала, как он выглядит, и не представляла, где его можно найти. В то время, как Амелия с балкона восторженно созерцала близлежащую улицу, представляя как она по ней ведёт сэра Шиллинга в цепях, между Лизи и Берной состоялся короткий, но очень выразительной разговор.

– Вы разговаривали? – спросила Лизи.

– Джейсон так и не решился со мной заговорить. Он определённо был смущён нашей встречей. А я сочла неприличным заговорить первой.

– Виктор упоминал, что его кузен Джейсон от тебя без ума.

– Я почувствовала расположение Джейсона, хотя он и слова не проронил во время танца.

– А ты?

Берна смутилась и покраснела.

– Я тебе рассказываю обо всём. И ты обязана поступить точно так же.

– Он мне понравился.

– Понравился? Или больше?

– Больше!

– Прекрасно! Значит, мы обе влюблены, и осталось лишь как-то подготовить отца.

– Он придёт в ярость, когда обо всём узнает.

– А мы ему ничего говорить не будем, пока он не помирится с семьёй Бэндигтон.

– И как же он примирится?

– Не знаю, но нам придётся заняться этим вопросом.

Заслышав шаги, девушки принялись обсуждать наряды дебютанток на прошлом вечере. На пороге появилась Амелия. Она некоторое время прислушивалась к сёстрам, а потом насмешливо заметила:

– Мы все были одеты одинаково. Так что не стоит делать вид, будто вас настолько заинтересовали наши наряды. Тем более, что я отлично видела, как вы обе танцевали с кузенами Бэндигтон.

Глава 8

Дочь

В кабинете покойного графа Росбери действительно происходил очень важный разговор. Барон Уиллоби осознал это почти сразу же. Элизабет совсем не была на себя похожа. Она нервничала, волновалась и никак не могла заговорить.

– Прошу вас, Элизабет! – мягко попросил Уиллоби. – Вам известна моя преданность. Никто и слова не узнает о нашей беседе. Обещаю вам.

– Вам ничего не надо говорить, Джордж! Мне хорошо известны ваши качества. Именно по этой причине, я и хочу доверить свою тайну вам, и надеюсь на помощь.

– Вы можете полностью рассчитывать на меня вне зависимости от сути вопроса.

Элизабет поблагодарила его лёгким кивком.

– Мой траур..

– Я знаю, Элизабет, – мягко остановил её барон Уиллоби. – Он связан со смертью супруга. Вы всё ещё не можете его забыть. Вы и по сей день ходите в траурном платье.

– Нет!

– Нет? – барон Уиллоби не смог скрыть изумления. – Нет?! Кого же вы оплакивали все эти годы?

– Свою дочь! Я оплакивала свою дочь, Джордж!

– Дочь?! – барон Уиллоби переходил от одного потрясения к другому.

– Выслушайте меня, Джордж, – попросила Элизабет. – Мне очень нелегко об этом говорить. И я бы никогда не заговорила, но у меня впервые появилась надежда найти дочь. Мне необходима ваша помощь. А началось всё после вашего сватовства. Вы помните тот день, Джордж?

Барон Уиллоби с хмурым видом кивнул. Было заметно, что ему неприятны воспоминания, связанные с теми далёкими днями.

– Когда вы просили моей руки, я уже ждала ребёнка!

– Что? Ждали ребёнка? Почему вы же мне ничего не сказали?

– Я не могла, Джордж. В те дни я была без памяти влюблена в Филиппа, и собиралась втайне стать его супругой. Мы поженились спустя два дня после вашего сватовства. И это была самая большая ошибка в моей жизни. Но тогда мне казалось, что нет ничего более правильного, чем мой союз с Филиппом. Отец был категорически против нашего брака. Он требовал, чтобы я вышла замуж за вас. Мы страшно поссорились тогда. Мне пришлось уйти из дома. Мы с Филиппом сняли маленький дом на окраине Лондона, о котором ничего не знал отец, и прожили там вплоть до рождения нашего первенца. – Элизабет поднесла правую руку к лицу и начала указательным и средним пальцем поглаживать поочередно обе щеки. Барон Уиллоби знал эту её привычку. Она всегда так делала, когда сильно волновалась.

– Отношения между мной и Филиппом почти сразу же начали ухудшаться, – продолжала рассказывать Элизабет. – Спустя месяц он вернулся домой с крупной суммой денег и признался, что получил их от моего отца. Я заставила его вернуть эти деньги обратно, так как не желала иметь с ним ничего общего. Деньги он так и не вернул назад. Только делал вид, что ходит на работу. Он часто возвращался пьяным, и вёл себя оскорбительно по отношению ко мне. Но за месяц до рождения дочери он изменился и стал относиться ко мне со всем вниманием. Полагаю, эти изменения так же были связаны с моим отцом. Видимо, он знал, в каком бедственном положении я нахожусь, оттого и воздействовал на Филиппа. Потом наступил этот страшный день, – голос Элизабет дрогнул. В глазах появились слёзы, но она быстро справилась с собой. – В то утро я

проснулась от криков. Я поднялась, оделась и вышла во двор. Филипп лежал на куче угля, широко раскрыв глаза. Он был мёртв. А рядом с ним стоял мой отец. Он держал в руке окровавленный нож.

– Господи Боже! – прошептал барон Уиллоби. Он никак не ожидал услышать столь ужасные подробности касательно человека, которого всю жизнь уважал, словно своего собственного родителя.

– Я начала кричать и обвинять отца. У меня начались схватки. Я упала на землю. Отец позвал каких-то людей. Меня отнесли в дом. Потом пришла повитуха. Она и приняла роды. Я родила девочку. В этот день меня ждал ещё один, гораздо более страшный, удар. Отец забрал моего ребёнка под предлогом того, что не хочет допустить моего позора. С того самого времени я не видела моё дитя. Все эти годы я искала её повсюду. Я искала повитуху, надеясь, что она сможет помочь в поисках. Но не нашла ни единого следа. Моя дочь бесследно пропала.

Единственный, кто знал, где она находится, был мой отец. Но он молчал. Я грозила, требовала, ночами стояла перед ним на коленях, но он так и не сжалился надо мной. Надежда появилась только сейчас. Перед смертью отец сообщил имя человека, которому передал мою дочь. Его зовут Джон Бирн. Он забрал её и вместе с ней уехал в Ирландию. Это всё, что мне известно. После двадцати лет полной безысходности, для меня даже такая весточка настоящая удача. Я хочу найти свою дочь, Джордж! И надеюсь на вашу помощь.

– Господи, сколько же вам пришлось пережить, – барон Уиллоби бросил на Элизабет глубоко нежный взгляд. – Почему же вы раньше мне не открылись? Почему молчали все эти годы?

– Вы не смогли бы мне помочь. Никто бы не смог помочь. Я вообще ничего не знала. Но сейчас у меня есть имя человека и страна. Ваша помощь мне очень нужна, Джордж!

Барон Уиллоби поднялся, но уже в следующее мгновение опустился на колени перед Элизабет, взял её руку и прижался к ней губами.

– Я никогда не переставал вас любить, Элизабет! Господи, все эти годы я думал, что вы печалитесь о покойном супруге, оттого и не осмеливался заговорить о своих чувствах. Как вы можете сомневаться во мне, Элизабет?! Для меня нет большего счастья, чем служить вам.

– Я вас слышала, Джордж! – Элизабет поднялась, вынуждая встать и барона Уиллоби. – Но вынуждена и на сей раз огорчить. Я могу, и буду заботиться о ваших дочерях, но не более того. Вся моя жизнь целиком принадлежит только моему несчастному дитя. Без неё невозможна никакая радость, невозможны никакие отношения.

– Я понимаю, Элизабет. Прекрасно, понимаю. Столько лет страданий... что я могу для вас сделать?

– Мне необходимо начать поиски, но я не знаю, как это сделать.

– Не беспокойтесь. Уже к вечеру у нас будет чёткий план действий.

– Элизабет, – барон Уиллоби поцеловал по очереди обе руки, а потом ушёл, пообещав вскоре вернуться с первыми результатами.

Он отвёз дочерей домой, а сам незамедлительно отправился к одному своему знакомому, который по долгу своей службы просто обязан был знать хороших сыщиков.

Элизабет и не сомневалась, что барон Уиллоби сдержит обещание. Он явился около десяти часов вечера в сопровождении худощавого мужчины средних лет в синей шляпе. И представил его как сыщика по имени Говард Доусон.

- Мне его рекомендовали как человека весьма опытного в сыском деле,
- добавил он, опускаясь в кресло, которое находилось несколько в стороне, тем самым давая понять, чтобы Элизабет сказала сыщику ровно столько, сколько сочтёт нужным.

Элизабет указала на кресло с другой стороны стола. Она подождала пока гость примет приглашение и только потом заговорила.

- Дело, которое привело вас сюда, гораздо сложнее всего, с чем раньше приходилось сталкиваться. Но прежде вы должны дать слово, что всегда, при любых обстоятельствах, сохраните втайне каждое слово из нашего разговора.

Доусон встал и поклонился. Потом сел и спокойно ответил.

- Я никогда не разглашаю беседы с клиентами. У вашей светлости есть моё обещание.

- Что ж, - Элизабет судорожно вздохнула, невольно выдавая волнение, которое ею владело в эти минуты. - Первое, что вам следует понять... речь пойдёт об очень дорогом мне человеке. Речь пойдёт о моей дочери Фелиппе...хотя, скорее всего, у неё уже другое имя, - она замолчала, но уже через мгновение с силой продолжила: - О моей дочери никому не известно. К величайшему сожалению, я не исключение. Вы нам нужны, чтобы найти её. Это цель всей моей жизни.

- Она пропала или её похитили?

- Это уже не имеет никакого значения, потому что я потеряла её более двадцати лет назад. Она тогда только появилась на свет.

- Двадцать лет? - Доусон не смог скрыть удивления. - Почему вы не искали её раньше?

- Искала. Все эти годы искала. Но надежда найти появилась только сейчас. Несколько дней назад мне стало известно, что моя дочь была передана человеку по имени Джон Бирн. А он увёз её в Ирландию.

- Это всё?

- Да...

- Ирландия... Графство или город? Что-то?

- Ничего. Только Ирландия.

- Скажу откровенно. Найти вашу дочь с такими скудными сведениями, да ещё пропавшую двадцать лет назад, представляется делом почти невозможным.

- Ничего другого у меня нет, мистер Доусон. Так или иначе, я буду её искать, пока не найду или пока не умру. Вы берётесь за поиски или нет?

- Могу я узнать хотя бы возраст Джона Бирна. Это бы в значительной степени сократило время поисков.

- Пожалуй, это возможно, - Элизабет затрясла колокольчиком. Появился слуга. Она попросила его привести садовника. Спустя несколько минут, он уже стоял перед и ними и мял в руках шляпу.

Услышав вопрос Доусона, он задумался.

- Мне шестьдесят пять. Ему, верно, сейчас столько же. Они были одного года с покойным батюшкой вашей светлости.

Садовник ушёл. Доусон задумался.

- Наши планы остаются в силе, и это не зависит от каких-либо обстоятельств, - подал голос барон Уиллоби. - Времени у нас нет. Мистер Доусон, вы берётесь за поиски или нет?

- Берусь, - после короткого размышления ответил Доусон. - Но мне понадобятся значительные средства. Для начала не меньше двухсот фунтов. Придётся много ездить...- он осекся, так как в этот момент

Элизабет достала из ящика под столом пятьсот фунтов и положила перед ним.

– Денег не жалейте. Нанимайте самые быстрые экипажи и загляните в каждый дом в Ирландии. Я дам вам в двадцать раз больше в тот день, когда вы приведёте мою дочь ко мне.

– Немедленно займусь её поисками, – ответил Доусон, принимая деньги.
– Завтра же поеду в Ливерпуль, а оттуда отплыву в Дублин. С него и начну.

Проводив сыщика, барон Уиллоби вернулся, но только для того, чтобы попрощаться. Он ушёл, взяв с Элизабет обещание, что следующим утром она обязательно наведается к ним.

Глава 9

Лондон. Район Камден. Особняк Уиллоби

Наутро, как и было обещано, Элизабет отправилась с визитом к Уиллоби. Она пребывала в превосходном настроении. Впервые за долгие годы. Начались поиски дочери. Одна мысль о том, что вскоре она её увидит, наполняла счастьем всё её существо.

Проезжая по одной из улиц, она услышала мальчишеский крик:

– Сэр Шиллинг издевается над полицией! Последнее ограбление знаменитого вора!

Элизабет остановила карету и подозвала к себе мальчика. Она отдала за газету целый шиллинг, и сразу начала читать. Благо до дома Уиллоби оставалось ещё не меньше четверти часа пути. Не раз за это время на её губах появлялась улыбка.

– Бедняга! – пробормотала Элизабет, имея в виду Лонторна. – Ему определённо не стоило раздражать сэра Шиллинга. Судя по всему, он серьёзно за него взялся.

Элизабет в холле встретил слуга. Он принял от неё пальто, шляпу и зонтик, а потом проводил в каминный зал. Именно там, в холодное время года большую часть времени проводила семья Уиллоби.

– Вы уже читали? – Элизабет позволила барону Уиллоби поцеловать свою руку, а потом под села к камину, чтобы немного согреться.

– О чём? – не понял барон Уиллоби.

В эту минуту вошла Амелия. Увидев улыбающуюся крёстную, она так и застыла от удивления. Ей редко доводилось видеть, чтобы она выглядела столь весело. Однако, уже в следующее мгновение та нахмурилась.

– Бедняга Лонтерн! Представляю, как он был удивлён, когда его арестовали и посадили в тюрьму, – Элизабет не замечала Амелии, которая насупившись, стояла за её спиной. Амелия прекрасно понимала с кем именно, были связаны слова крёстной. Догадался об этом и барон Уиллоби.

– Сэр Шиллинг?! Я ещё не читал утренние газеты! – барон Уиллоби примостился недалеко от Элизабет и сразу же устремил на неё любопытный взгляд.

– Сэр Шиллинг явился в дом некоего мистера Догерти под видом мистера Лонтерна, и забрал у него все деньги. Не знаю, что он такого сказал этому мистеру Догерти, чтобы заслужить подобную благосклонность. Об этом не упоминается. Однако, получив серебряный шиллинг, мистер Догерти понял, что обманут и сразу отправился в полицию. А позже в сопровождении двух констеблей навестил мистера Лонтерна. В газете

пишут, что мистер Догерти пытался задушить мистера Лонтерна, когда требовал вернуть свои деньги.

Барон Уиллоби расхохотался.

– Не задались дела у мистера Лонтерна, – пробормотал он сквозь смех.

– Что в этом смешного? – гневно поинтересовалась Амелия. – У этого мистера...Догерти отобрали деньги. Добросовестный полицейский пострадал, выполняя свои обязанности. И всему причиной обычный мелкосортный преступник. Нет никаких причин восторгаться таким человеком.

– Согласись, он этого заслуживает, – ответила Элизабет. – Только представь, как он спокойно входит в дом несчастного мистера Догерти и забирает у него все деньги. Бедняга мало того, что впустил в свой дом вора, отдал ему свои деньги, даже проводил до кареты, он ещё и обвинил в краже помощника шерифа, и был столь убедителен, что последнего продержали целый день взаперти. Разве возможно не восхищаться таким человеком?! Его умом и находчивостью?! Решительностью и смелостью?!

Решительностью и смелостью?!

– Скорее следует выразить сочувствие скудоумию и глупости мистера Догерти, – приняв воинственный вид, парировала Амелия. – Попадись этот сэр Шиллинг мне, я бы знала, как с ним поступить.

– Сохрани нас Господь от встречи с таким человеком! – вырвалось у Элизабет.

– Этот малограмотный вор ищет только дураков, вроде мистера Догерти, – Амелия не обратила внимания на замечание крёстной. – Даже незначительного ума достаточно для того, чтобы понять эти в высшей степени безвкусные уловки, которые использует сэр Шиллинг.

– Я правильно понимаю? – широко улыбаясь, спросил барон Уиллоби. – Его не могут поймать, не потому что он умный, а по причине глупости всех тех, кого он обводит вокруг пальца и кто его ловит?

– Прискорбно осознавать эту истину, но именно так всё и обстоит на самом деле.

– Слишком самонадеянно с твоей стороны рассуждать подобным образом, – заметила Элизабет.

– Будь у меня возможность, я бы всем показала, чего на самом деле стоит этот преступник. После нашей встречи его бы и сэром Фартингом постеснялись бы назвать.

– Оставь сэра Шиллинга в покое! – попросил барон Уиллоби. – Пусть грабит, кого пожелает. Лишь бы держался подальше от нас всех.

Амелия вышла. Ею владело праведное возмущение. Снова и снова о нём все говорят, а она не способна должным образом его проучить.

– Я придумаю!

Неожиданно у неё вырвалось восторженное восклицание. Она нашла способ наказать этого выскочку. Театр. Конечно же, театр. Там всегда много людей. Она устроит небольшую сценку, которая наверняка дойдёт и до сэра Шиллинга. Принимая такое решение, она не понимала, какой серьёзной опасности подвергает себя и свою семью. Амелия вприпрыжку понеслась к сёстрам.

Лизи с Берной обсуждали возможность встречи с кузенами Бэндигтон. Амелия толкнула дверь и прямо с порога заявила:

– Твой Виктор должен приехать к нам домой и сопроводить нас в театр.

– Да ты спятила?! – возмущённо закричала в ответ Лизи. – Если б Виктор мог открыто наносить визиты, зачем бы мне встречаться с ним тайком?

- Просто поговори с Виктором. А батюшку предоставь мне. Он не станет возражать. Да, - добавила уже уходя Амелия, - пусть обязательно приведёт с собой кузена, того самого, который ухаживал за Берной. Мне кавалер не нужен. Я пойду одна. Поторопись. У нас осталось всего два дня.

Лизи удивлённо посмотрела на Берну. Та покраснела, но глаз не отвела.

- Арчибальд? Он тебе нравится? Да ведь ему больше сорока.

- Мы могли бы пригласить вместо него Джейсона. Он ведь так же приходится кузеном Виктору.

- Думаю, не могли бы. Батюшка никогда не согласится их принять. Они переглянулись, а потом разом бросились к двери.

- Вам должно быть холодно! - Амелия подбросила в камин несколько поленьев, дождалась, когда огонь снова разгорится и только потом села на ручку кресла, в котором расположилась крёстная. И она, и барон Уиллоби внимательно следили за Амелией. Она явно неспроста вернулась назад.

- Я горжусь вами, батюшка! - неожиданно заявила Амелия. Барон Уиллоби насторожился, справедливо подозревая очередной подвох со стороны дочери. - Вы удивительный человек. Ваша доброта служит примером для всех нас.

- И чем я на сей раз заслужил твою похвалу? - барон Уиллоби особо подчеркнул слова «на сей раз», давая тем самым понять, что раскусил подвох.

- Батюшка проявил удивительную чуткость, - Амелия обратилась к своей крёстной. - В качестве примирения он решил пригласить Виктора и Джейсона Бэндингтон к нам домой.

Барон Уиллоби поморщился.

- Вы же недолюбливали эту семью? - Элизабет выглядела удивлённой.

- Батюшка посчитал, что они достаточно наказаны, ибо были лишены его внимания многие годы, - ответила за него Амелия.

- Удивительное великодушие! - не могла не признать Элизабет. - Я начинаю думать, что судила о вас неверно все эти годы. Мне бы тоже хотелось взглянуть на Виктора с Джейсоном. Они верно стали красивыми молодыми людьми. В последний раз я видела их, когда они были ещё совсем крошками.

- Вы обязательно их увидите. Они приедут за нами, чтобы сопроводить в театр. Батюшка желал сделать вам небольшой сюрприз, поэтому и не стал ничего говорить заранее. Но я просто не смогла сдержаться.

- Это прекрасный поступок, Джордж, - Элизабет улыбнулась барону Уиллоби. Тот выглядел смущённым и украдкой бросал на дочь раздражённые взгляды.

Делая вид, будто не замечает эти взгляды, Амелия ровным голосом продолжала:

- Батюшка собирается устроить праздник через два дня, в субботу вечером. А днём он поведёт нас на премьеру новой пьесы в театр Друри-Лейн. Меня с сёстрами будут сопровождать кавалеры, а вот батюшка остаётся один. Матушка Элизабет, вы не могли бы составить ему компанию? На весь день?

Барон Уиллоби вначале замер, а потом облегчённо вздохнул и широко заулыбался.

- Но только при условии, что сам Джордж этого желает.

- Элизабет! Окажите честь! - барон Уиллоби поднялся и поклонился.

- С радостью, Джордж, - ответила Элизабет. Позже, улучив минутку, когда Элизабет была занята беседой с Берной и Лизи, которые выглядели весьма взволнованно, ибо не ожидали такой прыти от младшей сестры, барон Уиллоби вывел Амелию из зала.

- Не подсказешь, когда это я упоминал о празднике и театре?

- Почему бы вам не использовать одно из тех качеств, которые вызывают у вас восхищение в некоторых преступниках?! - заметила в ответ Амелия.

- Ты намекаешь на сэра Шиллинга?

- Я намекаю на решительность и советую не уподобляться мистеру Догерти.

- И кто же меня пытается ограбить?

- Вы сами. Вы даже не стараетесь заслужить внимание матушки Элизабет, хотя нам всем хорошо известно, какие именно чувства она вам внушает. За такие слова барон Уиллоби готов был простить дочери всё, что угодно.

- Ты полагаешь...

- Вам давно следовало проявить настойчивость. Право, нельзя же всё время потакать капризам женщин. У меня лично подобное поведение сразу бы вызвало неприязнь.

- И что же ты советуешь? Не обращать внимания на чувства женщин?

- Я советую не придавать им большого значения. Мужчина должен уметь дать отпор, даже если его дама проявляет упорство.

- Тебе дать отпор совсем нелегко!

- А вам и не надо. Обратите все свои природные качества в сторону крестной. А если их нет, тогда продолжайте потихонечку вздыхать и надеяться на чудо.

- Откуда в тебе столько злости?

- Никому не по душе откровенность, когда вопрос касается его самого. На этом беседа закончилась с очередным явным преимуществом Амелии. Проводив отца обратно, Амелия от удовольствия даже потёрла руки. Что ни говори, ей удалось соединить сразу три пары. Но самую важную роль в предстоящих событиях она отвела себе. Она всей душой желала скрестить шпаги с равным противником. А таким ей виделся лишь один человек - сэр Шиллинг.

Глава 10

Брат и сестра

Шилли пребывал не в духе третий день подряд. Им никак не удавалось «зацепить» одного богатенького ювелира с Кранборн-стрит. Он владел там четырьмя лавками. Он и раньше попадался в поле их зрения. Но недавно Ягр посетил одного из тех людей, которые тайно передавали им важные сведения относительно богатых людей. Этот человек тоже содержал ювелирную лавку. В обмен за свою услугу, он выкупал украденные ценности за треть стоимости. И тех, и других вполне устраивало подобное сотрудничество.

Вернувшись домой, Ягр сообщил, что их навели на крупный куш. Речь шла о двух тысячах золотых гиней с изображением Джорджа второго выпуска второй половины семнадцатого века. Даже судя по тем скудным

сведениям, который удалось узнать, один из ювелиров с Кранборн-стрит скупил две тысячи золотых гиней. Следовательно, можно было предположить наличие ещё таких же монет. Хотя само по себе уже и это золото могло составить небольшое состояние. Стоило рискнуть ради такого крупного куша. А для начала следовало выяснить две вещи: где он прячет своё золото, и каким способом его заполучить. Три дня подряд они не ни на миг не упустили его из вида. Шилли менялся с Ягром два раза в день. Но ни первый, ни второй так и не смогли обнаружить ничего интересного. Ювелир занимал второй этаж дома, в котором находилась одна из его лавок, и почти не показывался на улице. Никто из членов семьи так же не появился за это время, хотя у него наверняка имелась и жена, и дети. Мужчина в возрасте пятидесяти лет просто не мог не иметь семьи. Лишь однажды ювелир нанял извозчика и поехал на Хуп-Элли. Там он заказал вывеску. Видимо, он собирался открыть ещё одну лавку или заменить существующие вывески.

Шилли мог без особого труда проникнуть в дом ювелира, но не стал этого делать по некоторым соображениям. Во-первых, он не знал, кого там встретит. Во-вторых, на Кранборн-стрит всегда дежурили по несколько констеблей. Стражи порядка бдительно оберегали улицу ювелиров. В-третьих, он с большой долей вероятности предполагал, что золото спрятано в другом месте. Следовало повременить и выяснить, где ювелир держит свои сокровища, а уж потом действовать. Рано или поздно, удобный случай обязательно бы представился. А до той поры он мог вполне позволить себе отдых, а заодно и честно отрабатывать свои четыре с половиной фунта в месяц, очищая обувь в театре. Только работать и ничего больше. Они решили какое-то время бездействовать в театре. И тому имелись серьёзные причины. Сюда уже дважды приходили констебли, и успели опросить всех, начиная от швейцара заканчивая директором театра. Видимо, они догадались, что в случае с мистером Догерти действовал человек, имеющий непосредственное отношение к театру. Да и не мудрено было догадаться. Лотри работала столь искусно, что эти превращения просто не могли остаться незамеченным. Именно поэтому, они продолжали прилежно работать в театре, и одновременно стали выбирать себе жертвы на стороне, чтобы устранить любую предполагаемую связь с театром, которая могла привести к ним. За день до субботней премьеры Шилли отправился с сестрой на прогулку. Они иногда вместе выходили в город, чтобы просто развеяться. Такие прогулки развлекали их и позволяли по-настоящему отдыхать от ежедневной рутинной работы. Хотя и работа для них обоих представляла куда большее значение, нежели добыча денег. Лотри могла создавать всё новые и новые образы для брата, а Шилли..ему нравилось ремесло вора. Ничто другое его не привлекало.

Они никогда не бывали дважды в одном и том же месте. Это была одна из тех предосторожностей, которых придерживалась вся семья. На сей раз они даже далеко уходить не стали, а просто зашли в один простенький ресторанчик на Кэтрин-Стрит, где готовились чудесные устрицы. Лотри их обожала.

Ресторан был полон любителей рыбных деликатесов. Шилли с сестрой облюбовали себе столик позади рыжеволосого парня, который в одиночестве поедал неприличное количество устриц. Он был столь занят, что даже не обратил на них внимания. Но пара молодых людей с соседних столиков посмотрели на Лотри с явным любопытством.

- Мне уйти? – тихо и с отчётливой насмешливостью спросил у сестры Шилли.
- Хочешь бросить меня здесь одну?
- Нет. Хочу, чтобы ты, наконец, познакомилась с молодым человеком. Пока я рядом с тобой, этого сделать не получится.
- Меня привлекает только один молодой человек – ты!
- Через годик другой, мы все отойдём от дел. Тебе пора задуматься о своей собственной семье.
- Ты пытаешься избавиться от меня? – сердито спросила Лотри.
- Да! Ты мне уже порядком надоела.
- А кто же будет о тебе заботиться?
- Я женюсь и уйду от вас.

Лотри расхохоталась, но увидев, что на них смотрят, быстро захлопнула рот.

- Да ты, как и я, не выносишь спокойную жизнь. Трудно представить, как мой знаменитый брат ходит по пятам за своей женой и заискивающим голосом просит разрешения навестить свою любимую сестру.
- А ты постарайся. Я буду слушаться жену, нянчить детей и вообще прилежно выполнять все обязанности супруга.
- Слово «обязанности» придумали не для тебя. У тебя их нет, и никогда не будет.
- Ты могла бы показать пример.

Заметив угрюмый взгляд, Шилли развеселился. Они с сестрой часто говорили о всяких глупостях, и зачастую обменивались острыми выпадами, которые вполне могли перерасти в настоящую ссору. Оба никогда бы не отказались от того образа жизни, который выбрали для них родители, а позже всей душой приняли они сами.

- Джейсон! – неожиданно раздался рядом с ними громкий голос. Рыжий парень чуть не вскочил с места, и едва не подавился очередной устрицей. Шилли и Лотри не сдержали широких улыбок, наблюдая за ним и другим молодым джентльменом, который, судя по всему, собирался присоединиться к пиршеству своего друга. Так и случилось.
- Виктор?! – раздался удивлённый возглас рыжеволосого парня.
- Я так и знал, что найду тебя здесь, – донёсся до них голос джентльмена, которого называли Виктор. Шилли и Лотри, скорее следуя привычке, стали подслушивать разговор двух молодых людей.
- Ты не поверишь, Джейсон, кто нас пригласил в гости!
- Кто? Неужели...
- Да. Барон Уиллоби.
- Не может быть?! Ты ничего не путаешь, Виктор?
- Я получил письмо от Лизи. Она приглашает нас обоих домой, завтра, к десяти часам. Приглашает с согласия отца.
- Зачем? Она сказала?
- Программа очень большая. Сначала мы поедem в театр в качестве официальных кавалеров Лизи и Берны.

Рыжеволосый молодой человек тихо завизжал от радости, и столь же тихо воскликнул:

- Свершилось! Берна Уиллоби станет моей женой!
- Это не всё, Джейсон. После посещения театра мы разделимся. Они поедут домой. Мы тоже. Но к пяти часам вечера нас снова будут ждать в доме барона Уиллоби. Состоится небольшой праздник. Будут присутствовать человек двадцать самых близких людей. И мы в их числе.

Будет музыка. Приглашены два известных скрипача. Мы сможем танцевать до самой полуночи. И даже дольше.

В дальнейшем оба начали обсуждать, какую одежду выбрать для завтрашнего дня.

Шилли лёгким кивком указала на молодых людей, а затем, наклонившись к сестре, тихо спросил:

– Разве ты не хочешь, чтобы и к тебе так спешили?

Лотри разозлилась и наговорила брату всяких гадостей. Тот тоже не остался в долгу. В итоге, они разругались и поехали домой, каждый по отдельности.

Глава 11

Амелия действует

Утро этой субботы начиналось так же, как и всегда. Лотри с мамой Жантан работали в гардеробе, Джонни Мышонок в шутовском наряде развлекал театральных гостей, а сам Шилли очищал одну пару обуви за другой, и при этом размышлял о том, как лучше ограбить ювелира. Он работал сосредоточенно и ничего не замечал вплоть до той самой минуты, пока его слух не резанули слова: «Самодовольный болван». Он бы не обратил на них внимания. Но дело в том, что обращены они, были непосредственно в его адрес. А звучало это следующим образом:

– Ваш сэръ Шиллинг самодовольный болван!

Шилли в это время очищал обувь какого-то пожилого джентльмена. Не переставая работать, он устремил хмурый взгляд на зеркало, желая найти того, кто столь оскорбительно о нём отозвался.

– Ничтожество и трус!

Его взгляд остановился на молодой девушке в белом платье с жёлтой каймой. Он сразу её узнал. Это была та самая наглая девица, которую он отвозил в Росбери. Рядом с ней стояла та самая женщина в чёрном платье, и ещё какой-то мужчина. Они явно выглядели обеспокоенными. Шилли вспомнил имя этой девицы. Её звали, кажется, ... Амелия. Она снова оскорбительно отзывалась о нём и, судя по всему, не собиралась останавливаться.

– Вашему сэру Шиллингу попадают одни болваны, оттого он и ходит, задрав хвост. Остаётся удивляться, где он только их находит. Для человека страдающего скудоумием задача совсем непростая.

Она говорила достаточно громко и привлекла к себе внимание. Вокруг неё начал раздаваться смех. Кто-то попросил её вести себя более сдержанно, и добавил, что её слова могут быть переданы самому сэру Шиллингу.

– Я даже попрошу передать ему мои слова, – громогласно заявила она. – Кто-то же должен сказать ему правду. Это сделала я, Амелия Уиллоби. Пусть попробует меня обмануть, мелкий, жалкий, слабоумный осёл.

Шилли несколько раз яростно взъерошил свои волосы. Из гардеробной, через зеркало на него уставились две пары удивлённых глаз. Шилли убрал ногу джентльмена с декроттуара, снова взъерошил свои волосы и вытянул шею, показывая на девушку в белом платье с жёлтой каймой. А она тем временем, продолжала с пафосом.

- Где же вы, сэр Шиллинг? - театрально восклицала она, вызывая своими словами громкий смех всех, кто слышал её слова. А слышали их даже те люди, которые в этот момент поднимались по лестнице. Многие из них остановились и устремили любопытные взгляды вниз, в сторону гардеробной, где разыгрывалось небольшое представление. - Почему вы оставили меня, и ушли, не дав возможности попросить прощения? Как же я смогу жить дальше, не видя вас? Будучи лишённой вашего остроумия? Неужто, вы настолько обижены, что не желаете показываться на глаза? Смех становился всё громче. А она продолжала измываться над ним. И это несмотря на то, что мужчина и женщина в чёрном платье пытались её успокоить. Шилли едва сдерживался, чтобы здесь же не воздать должное этой наглой девице.

- Распустил хвост как павлин. Ничего, я сама вырву ему всё пёрышки, раз никто другой этого делать не хочет. Слышишь, ничтожество?! Я, Амелия Уиллоби бросаю тебе вызов. Я готова встретиться с тобой, где угодно и доказать твою никчёмность.

Лотри не сдержалась.

- Вы бы помолчали, мисс Уиллоби, - попросила она. - Не приведи Бог, сэр Шиллинг узнает о ваших словах.

- А я хочу, чтобы он узнал! - с вызовом ответила Амелия. - Я хочу, чтобы ему передали каждое моё слово. Если он такой ловкий, пусть попробует меня обмануть. Если такой храбрый, пусть встретится со мной.

Лотри хотела ей наглубить, но сдержалась, чтобы ненароком не выдать себя.

Амелия продолжала бы говорить, но её в этот миг едва ли не насильно повели к лестнице. Но она никак не хотела успокаиваться.

- Слышишь, сэр Шиллинг, я из тебя сделаю самую жалкую монету, какая только найдётся в Англии.

Её слова сопровождал громкий смех.

После третьего звонка Лотри и Шилли отправились на чердак. Лотри чувствовала, что брат разгневан.

- Шилли! Оставь её, - попросила она, когда он сел в кресло. - Глупая девчонка не знает, что говорит.

- Да она просто меры не знает и никак остановиться не может. Безо всякого зазрения совести купается в лучах моей славы. Завтра весь город буде повторять её слова. Жалкую монету она из меня сделает... хорошо! Я предоставлю ей такую возможность.

- Шилли...ты ведь её не убьёшь?

- Конечно, убью. Она заслуживает самой страшной смерти. Могу утопить её или сжечь.

- Как Лонтерна?! - Лотри расхохоталась, но брату было совсем не до веселья.

- Нет. Я может и не такой воспитанный, как мисс Амелия Уиллоби, но никогда бы не стал обращаться с дамой подобным образом. В таких случаях как этот, мне больше по душе Ирландский способ наказания.

- Это...очень больно?

- Не очень!

Лотри набросилась на него с расспросами касающиеся деталей Ирландского наказания, но Шилли ограничился лишь словами о муже, которому следует задавать подобные вопросы, и только после того как он появится. Лучше бы он этого не говорил. Лотри совсем стало невмоготу. Как она сама выразилась: её просто распёрло от

любопытства. Но все попытки добиться относительно понятного ответа не привели к успеху. Она разозлилась и пригрозила отказать в помощи. Ответ оказался совсем неожиданным для неё. Брат, вопреки её ожиданиям, даже обрадовался.

- А знаешь, это прекрасная идея. У меня и без этой наглой девицы полно дел.

Появился Джонни Мышонок и сразу бросил расстроенный взгляд на брата.

- Надо мной издевалась?! - догадался Шилли.

Джонни Мышонок кивнул.

- Её там все успокаивали, сёстры и родители, и ещё два рыжих парня тобой страшали, но ей всё нипочём. Обзывала тебя самыми последними словами. Весь театр слышал и смеялся.

- Не оставляет мне даже малейшей надежды на жалость. Что ты ещё узнал?

- Зовут Амелия У...

- Это я и сам слышал!

- Отца звали барон Уиллоби, а мать - графиня Росбери.

- Она ей не мать...вернее другая мать. Что ты ещё узнал?

Лотри устремила на брата недоумённый взгляд.

- Другая мать?

- Нет, та же. Все её называли «матушка Элизабет», и только эти рыжие парни говорили «графиня Росбери» - подал голос Джонни Мышонок.

- Что ещё? - не слушая ни его, ни сестру, спросил Шилли.

- Две сестры. Та, что повыше, с чёрными волосами - Берна. Светлая с острым носом - Лизи. Берна шла с одним рыжим, а Лизи с другим.

- Джейсон и Виктор...

- Не знаю. Я раз слышал, как первого рыжего называли Бэндингтон.

- Того, что с Берной?

- Нет. Со «светлой» с острым носом.

- Иди и предупреди отца! Потом возвращайся назад, и дай знать, когда они выйдут! - приказал Шилли, а сам посмотрел на сестру и коротко добавил: - Делай молодую леди. Вдову. Вдовам все сочувствуют. И постарайся, чтобы вуаль снова не сползла на мой нос.

- У меня только однажды сползла вуаль, а ты целый год меня попрекаешь.

- Это в последний раз. Но если она снова сползёт...

- Не сползёт!

Прошло менее получаса, но на месте Шилли уже сидела вдова в платье из чёрного бархата. Голову украшала чёрная шляпа, окаймлённая траурным бантом. Лицо до верхней губы закрывала ажурная вуаль с отверстиями в виде очень мелких треугольников.

- Попробуй голос! - попросила Лотри, осматривая очередной шедевр со всех сторон.

Шилли поднялся, вытянул руки вперёд и, подражая голосу сестры, радостно вскричал:

- Шилли, я больше не хочу с тобой гулять!

Лотри хмуро сдвинула брови.

- Не смешно, хотя и очень похоже. У вдов, даже если они очень рады смерти мужа, голос всегда грустный или печальный. Многое зависит от степени лицемерия. Поэтому оно тоже должно присутствовать. Но не явно. И без кокетства. Ещё один важный момент. Чтобы они не говорили, должна ощущаться перенесённая потеря. К примеру: - Лотри изобразила трагический вид, и грустно промолвила: - «Какое красивое платье! Но

оно никогда не будет столь же чудесным как прежде!». Понятно? – спросила она, принимая обычный вид. – Попробуй!

Шилли раскрыл объятия и радостно воскликнул:

– Джейсон и Виктор! Какое счастье, что я вас встретила! Мой покойный муж всегда был о вас самого высокого мнения!

– Джейсон и Виктор?!

– Я же не могу одна пойти на праздник, да ещё без приглашения?! Что обо мне подумают знакомые нашей семьи? Простите. Я всё время забываю, что последний год живу лишь одними воспоминаниями о былом счастье!

Глава 12

Ирландский обычай

Амелия шла впереди всех и мурлыкала под нос музыку из спектакля. Вслед за ней шли барон Уиллоби под руку с графиней Росбери. Берна под руку с Джейсоном Бэндигтоном. И Лизи под руку с Виктором Бэндигтоном. Последние всё время о чём-то перешёптывались. Они шли к выходу вместе с толпой зрителей. То и дело рядом с ними слышались восторженные и не очень замечания относительно игры актёров.

Все были довольны представлением. И более остальных выглядела довольной Амелия. Её впечатлил не сам спектакль, а её собственное поведение. Она публично высказала всё, о чём думала в отношении этого выскочки, которым многие восхищались, а некоторые вроде её собственного отца превозносили до самых небес. Восторгаясь собственной смелостью, Амелия и помыслить не могла, что движется напрямиком в ловушку, заготовленную для неё тем самым человеком, чьи способности она столь самонадеянно недооценила. И уж никак она не могла предположить опасность в лице маленького мальчика в костюме шута, который мелькал в нескольких шагах впереди.

Прошло какое-то время, прежде чем они получили одежду. После этого все дружно направились к выходу из театра. Как и было решено, Виктор и Джейсон сразу поехали домой, чтобы успеть привести себя в порядок и приехать к пяти часам на праздник. Оба выглядели радостными, хотя им и не удалось толком поговорить с предметами своего обожания. Но они возлагали большие надежды на предстоящий вечер. Их впервые пригласили на семейное торжество, а это определённо означало благосклонность со стороны барона Уиллоби. Расставшись с кузенами Бэндигтон, семейство в сопровождении Элизабет отправилось готовиться к празднику. По пути из театра домой возник небольшой спор. Главным зачинщиком спора стал барон Уиллоби. Он не переставал упрекать Амелию за легкомысленность, и выражал надежду, что её оскорбительное поведение не станет известным сэру Шиллингу. – В противном случае, нас всех ждут серьёзные неприятности, – повторял он после каждого нравоучения.

Но Амелия и не собиралась сдаваться. Она говорила о недопустимости уважения или страха в отношении таких людей как сэр Шиллинг. О человеческой слабости, которую используют лишь самые бессовестные люди. А так же упоминала о своём искреннем желании воздать преступнику заслуженное наказание. Кроме всего прочего, она выражал надежде на встречу, которая бы с полной очевидностью показала её правоту.

Леди Элизабет не вмешивалась. Она разделяла обеспокоенность барона Уиллоби, но и доводы Амелии казались ей убедительными. Что ж до Берны с Лизи, то очередная выходка Амелии их совсем не впечатлила. Они лишь огорчились, что Джейсон и Виктор стали свидетелями её слов. Ни одной, ни другой, очень не хотелось, чтобы то дурное впечатление, которое производила на окружающих младшая сестра, отразилось бы и на них. Ссора между отцом и младшей дочерью продолжалась с переменным успехом. В то время, когда барон Уиллоби пытался объяснить Амелии некоторые очевидные вещи, леди Элизабет вместе с Берной и Лизой всецело посвятили себя заботам о предстоящем торжестве.

Несколькими часами позже, когда короткий осенний день уже подходил к концу, но вокруг всё ещё было светло, к дому Уиллоби подъехали сразу несколько карет и два кэба. В одном из кэбов находились Джейсон с Виктором. Они прибыли вместе с гостями, и уже собирались войти в дом, когда рядом с ними раздалось радостное восклицание:

– Джейсон! Виктор! Как вы выросли?! Как жаль, что мой покойный супруг вас не видит!

Джейсон и Виктор с удивлением оглянулись и заметили даму с вуалью в чёрном плаще с капюшоном и шляпе с траурной лентой. Она направлялась прямо к ним.

– Мы знакомы? – растерянно спросил Виктор, оглядывая даму.

– Как поживает ваша внучатая бабушка?

– Простите? Внучатая... кто?

– Если сказать наоборот, получится слишком длинно и менее понятно, – дама непринуждённо протянула руку в перчатке сначала Виктору, а потом и Джейсону. Оба поцеловали её руку, но так ничего и не поняли. Они уже собирались уточнить имя дамы, но она не дала им такой возможности. Она втиснулась между ними и взяла обоих под руки.

– Как я завидую моей кузине Лизи, если б вы знали, – самым грустным тоном сказала дама, подталкивая их по направлению к лестнице. – Ведь у неё есть Виктор Бэндингтон.

– О, о! – Виктор мгновенно растаял и попросил прощения за то, что сразу не узнал столь уважаемую даму.

– Ну и Берне повезло! Ведь у неё есть такой милый молодой человек, как Джейсон. Кстати сказать, Джейсон, я слышала, вам нравятся устрицы?! Несколько дней назад я случайно оказалось в одном ресторанчике на Кэтрин-Стрит. Там подают чудесные устрицы. Рекомендую посетить. Вы не будете разочарованы.

Упоминание о Берне в сочетании с устрицами полностью и навсегда расположили Джейсона к даме.

Между ними сразу завязался оживлённый разговор, который никак не мешал движению вперёд.

– Не так давно я навещала кузин, – говорила дама, когда они уже вошли в дом, – должна вам сказать по большому секрету, что они в восторге от вас.

– Мне это известно! – самодовольно ответил на это Виктор.

– А мне – нет. Вы бы не могли рассказать, что именно говорила обо мне Берна? – понизив голос и оглядываясь вокруг себя, попросил Джейсон.

– Но вы ей ни слова не скажите. Договорились?

– Даю слово. Ни единого намёка, – твёрдо пообещал Джейсон.

– Нем как рыба, – ответил Виктор, когда дама повернула к нему голову.

- Так вот, - держа их обоих под руку, дама начала подниматься по лестнице. - Берна считает вас самым красивым молодым человеком в Лондоне, и просто жаждет признаться в любви. Но, к сожалению, она немного разочарована вашим поведением.

- Почему же? - вырвалось у Джейсона.

- Берна надеялась увидеть в вас больше смелости. Она рассчитывала, что именно вы подарите ей первый поцелуй. Хотя вы могли и исправиться за то время, пока мы с ней не виделись. Но судя по выражению вашего лица, вы так и не оправдали её ожиданий?!

- Нет! - признался расстроенный Джейсон.

- Вам, Виктор, так же стоит подумать над этим вопросом, но только в отношении Лизи. А вот и они...

Лизи стояла в окружении двух сестёр и с беспокойством поглядывала на дверь. Увидев Виктора, она радостно заулыбалась. А Берна бросила на Джейсона многозначительный взгляд, который был понят последним очень точно.

Рядом с ними зазвенел звонкий смех.

- Ваши любимые кузены приволокли с собой очаровательную вдовушку!

- Как ты можешь? - Лизи бросила негодующий взгляд на Амелию. - У бедняжки такое горе, а ты насмехаешься.

Лизи, а вслед за ней Берна и Амелия поспешили приветствовать гостей. Как только они подошли, и должен был начаться обмен приветствиями, дама взялась рукой за воротник платья и попросила прощения.

- Можно стакан воды? Мне совсем непросто посещать радостные...- Она запнулась, но почти сразу же продолжила: - Вероятно, мне не стоило приходить.

Все смотрели на неё с сочувствием. Амелия испытала угрызения совести.

- Пойдёмте. Прошу вас, - она взяла гостью за руку и подвела к столу с напитками. А потом своими руками налила в чашку воды из графина и протянула ей.

В то самое время, когда вдова пила воду под присмотром Амелии, Лизи позволила комплимент в отношении Виктора. Она выразила восхищение человеком, который оказал внимание даме в столь печальное для неё время.

Что же касается Берны, её владела растерянность наряду с гневом. Джейсон самым неприличным образом наклонился к её голове и сказал, что она может рассчитывать на свой первый поцелуй в самое ближайшее время. Ну, во-первых, если б этот поцелуй случился, он был бы не первым. Она уже целовалась с его кузеном Арчибальдом. А во-вторых, она возмутилась наглости этого предложения. Они ведь ещё ни разу толком не разговаривали. Развязный молодой человек. «Оно могло стать приемлемым, если б не столь вызывающая самоуверенность», - разочарованно думала Берна, бросая в сторону Джейсона неприязненные взгляды.

Амелия тем временем старалась приободрить гостью высокими словами о необходимости продолжения жизни, упорстве, которое особенно необходимо в условиях потери близких людей.

- Вы правы, правы, - печально повторяла гостья, - но разве возможно смириться с потерей любви? Счастья? Радости? И как не расстраиваться, когда последнее желание моего супруга так и осталось не выполненным.

- Почему? - удивлённо спросила Амелия.

- Его выполнить очень сложно. Даже невозможно.

- Я могу вам помочь?

- Нет - нет! - испуганно ответила гостья. - Это будет неправильно понято, и может иметь неприятные последствия. Родные вас могут осудить...

Слова «родные вас могут осудить» прозвучали как вызов. В любых таких случаях, Амелия незамедлительно бросалась в атаку.

- Выкладывайте всё как есть, - потребовала Амелия. - О чём он просил?

- Гостья отнекивалась, но она настояла.

- Мой покойный муж ирландец. А их здесь особо не любят.

- И что из того? Какое это имеет отношение к последнему желанию?

- Он всегда хотел приветствовать хозяина дома согласно старому ирландскому обычаю, но... не получалось. Никто не соглашался ему помочь. Их можно понять. Это ведь совсем не просто сделать.

- А что именно надо сделать?

На сей раз дама не заставила себя долго просить.

- Сначала уважение. Я должна обнять хозяина дома. Крепко обнять. И хозяин дома тоже должен меня крепко обнять. Через объятия передаётся уважение. Мой муж говорил, что хозяин дома должен почувствовать это уважение. После объятий следует ритуальный крестный поцелуй, принятый у католиков.

- Мы протестанты!

- И оттого мне так тяжело выполнять обряд. Ирландский поцелуй в отношении протестантки для нас католиков сродни осквернению веры. Но это последнее желание моего несчастного супруга.

- А как целовать?

- Целовать должен гость. Сначала в левую щёку, потом в правую, потом в лоб и...подбородок. Получается...

- И это всё?

- Да!

Амелия взяла гостью за руку.

- Пойдёмте со мной!

- Нет, нет, - испуганно ответила гостья, пытаясь выдернуть свою руку, - ваш отец ни за что не согласится. Я буду опозорена перед всеми.

- Я тоже хозяйка этого дома. Выразите своё уважение мне, - Амелия крепче взяла её за руку и потянула за собой. - Мы вместе выполним последнее желание вашего супруга, и пусть только попробуют нам помешать.

Гостья слегка упиралась, но Амелия не собиралась сдаваться. Она вывела её в центр зала и громко призвала к вниманию. Отец, Элизабет, сёстры, Джейсон и Виктор, а так же остальные гости с недоумением смотрели на эту странную парочку.

- Сейчас наша гостья приветствует хозяев дома согласно старому ирландскому обычаю и последней воле своего покойного супруга. Прошу всех с уважением отнестись к её долгу и не позволять себе любого рода замечаний.

Никто ничего не понимал. Все только наблюдали. Некоторые, в числе которых были Джейсон и Виктор, наблюдали с откровенным удивлением.

- Прошу вас! - Амелия встала перед гостьей и на глазах у всех, раскрыла объятия. Гостья крепко её обняла двумя руками за талию. Руки Амелии тут же обвились вокруг спины гостьи. Объятие продолжалось ровно до того момента, пока Амелия не сказала:

- Я чувствую ваше уважение!

Они отстранились.

– Прошу вас. Поцелуй! – Амелия подставила левую щеку. Гостья её поцеловала в левую щеку. Потом она подставила вторую щеку. Гостья снова её поцеловала. Амелия подставила лоб для поцелуя. Гостья поцеловала её в лоб.

– Остался четвёртый последний поцелуй, прошу вас, – сказала довольная собой Амелия. Благо никто за время этого странного обряда не проронил и слова.

Она приподняла подбородок и подставила для поцелуя. Но гостья неожиданно взяла её за шею правой рукой, притянула к себе и накрыла губы Амелии своими губами. В зале раздался единый вздох, в котором одинаково звучали растерянность, удивление и порицание. Поцелуй длился всего несколько коротких мгновений. После чего гостья отстранилась и ровным мужским голосом насмешливо поинтересовалась: – Ты хотела со мной встретиться, мисс самая умная Амелия Уиллоби? Я и есть сэръ Шиллинг!

В зале раздался единый вздох ужаса. Гости начали пятиться назад. Все, за исключением леди Элизабет и барона Уиллоби. Они остались на месте, а потом медленно двинулись в сторону дочери, не спуская ни на мгновение глаз с дамы в чёрном.

Шилли, а это действительно был он, достал из кармана серебряный шиллинг и вложил его в руку Амелии, которая никак не могла прийти в себя и всё время беспомощно озиралась по сторонам.

– Это тебе урок, мисс самая умная Амелия Уиллоби. Первый урок, но не последний. Возможно, ты слышала о мистере Лонтерне?! Он тоже решил, что может безнаказанно меня унижать. Ты раздражаешь меня куда больше, чем Лонтерн. Я буду повсюду. Везде. Ты сполна почувствуешь моё внимание к себе. Скоро встретимся снова, мисс самая умная Амелия Уиллоби.

Шилли направился к окну и открыл его.

– Забыл сказать. Надеюсь, никто из семьи Уиллоби не станет винить Джейсона и Виктора Бэндигтон, которые столь любезно согласились проводить меня в дом. Кстати сказать, Берна, дорогая, судя по твоему лицу, Джейсон уже успел упомянуть о первом поцелуе. Это я ему сообщил о твоём желании. Будь к нему снисходительна...ты, равно, как и твоя сестра Лизи, вполне можете считать меня своим другом. Равно, как и Джейсон с Виктором. Вы мне понравились, и я бы не хотел вмешивать вас в свои счёты с вашей наглой сестрой.

Шилли отвесил один общий поклон и одним лёгким движением перебросил тело через подоконник. Все ахнули, ведь это было окно второго этажа, и одновременно бросились туда, где исчезла дама в вуали. Они успели увидеть, как она перемахнула через ограду и стремительно понеслась по улице.

Все взгляды обратились на Амелию. Она со всех сторон крутила серебряный шиллинг, с таким видом, словно не доверяла своим собственным глазам. Вокруг неё начал раздаваться смех. А вскоре началось настоящее веселье. Люди хохотали, держась за животы.

Глава 13

Ирландский поцелуй

«Целый день прошёл, а они никак не успокоятся», – Амелия уже битый час помешивала чайной ложкой сметану, отчего она уже стала

приобретать характерный жёлтый оттенок, которым обычно отличается сливочное масло.

Матушка Элизабет уехала домой, оставив её на растерзание, другого слова она подобрать не могла, оставив на растерзание отца и двух сестёр. Стоило ей появиться, как сразу же раздавался смех. И этому веселью конца не было.

Казалось бы простой обед. Что здесь смешного? Но нет, они просто умрут без своих многозначительных ухмылок и пространных намёков касающихся старых ирландских обычаев.

– Он застал меня врасплох, поэтому я и растерялась! – Амелия прошлась раздражённым взглядом по всему семейству. Ответом стало приглушённое хихиканье Берны и Лизи.

– Именно, – подхватил барон Уиллоби, – именно это и происходит со всеми, кто встречается с сэром Шиллингом. Удивительная, просто удивительная способность к перевоплощению. А голос каков? Я бы поклялся, что это действительно женщина в трауре. А какая ловкость?! Я бы даже с лестницей поостерегся спуститься из окна, а он спрыгнул даже не глядя на то, что там внизу находится. Только столкнувшись с таким человеком, можешь воочию оценить все его достоинства.

– Достоинства?! – возмущённо переспросила Амелия. – Да как вы можете его защищать после того, как он поцеловал меня при всех?! Вы же отец! Вашей дочери нанесли публичное оскорбление. Вы просто обязаны высказать своё негодование по этому поводу.

– Удивительно, что ты решила вспомнить про мои обязанности в отношении себя. Прежде, ты ни во что не ставила моё мнение. Жаль тебя разочаровывать, но мне трудно осуждать сэра Шиллинга. Он тебя всего лишь поцеловал, а ты его поносила целых три часа. Удивительно просто, что такой человек не стал отвечать на оскорбление. Я склонен даже поблагодарить его. Он избавил нас всех от любых твоих капризов в будущем. После вчерашних событий, никто, ни один человек не станет тебя слушать. Любые твои колкости примут форму насмешки и обратятся против тебя самой. Думаю, ты понимаешь эту истину не хуже меня. Амелия слушала отца с угрюмым видом. Безусловно, она не хуже отца понимала всю пагубность последствий, вызванных встречей с сэром Шиллингом. Он сделал её предметом насмешки семьи и знакомых. Рассуждая, таким образом, Амелия даже не представляла глубину своего падения. Но истина предстала перед ней в виде слуги с подносом, на котором лежала газета.

– Сэр...только что принесли...для мисс...Амелии, – было хорошо заметно, что слугу просто разбирает от веселья.

Барон Уиллоби поднялся и забрал газету с подноса. Слуга ушёл. Спустя минуту откуда-то издали донёсся самый настоящий хохот.

– Ирландский поцелуй Амелии Уиллоби! – Берна и Лизи прыснули со смеха. Барон Уиллоби развернул газету и показал её Амелии. Под заголовком бал нарисован шиллинг. – Поздравляю, моя дорогая! О твоём падении узнал весь Лондон!

– Это он меня поцеловал! – гневно закричала Амелия.

– А кто так трогательно подставил ему свои губки и попросил поцеловать? – поинтересовалась Лизи.

– Я не губки подставила, а подбородок. Я бы никогда не позволила поцеловать себя...женщине. Он меня обманул.

– Как мне помнится, ты что-то говорила о глупости тех людей, которых обманывает сэр Шиллинг, – как бы вскользь заметил барон Уиллоби.

Понимая, что не дожётся от родных ни понимания, ни сочувствия, Амелия отодвинула стул и, гордо вскинув голову, прошествовала к лестнице. А оттуда быстро поднялась в свою комнату. Только здесь она могла чувствовать себя в относительном покое. Но спокойствие продлилось недолго. Снизу то и дело доносился смех. Она даже слышала обрывки фраз:

- Любопытно узнать, какой смысл вкладывала в свои слова Амелия Уиллоби, когда, обнимая сэра Шиллинга, сказала, что чувствует его уважение...